

947436340
80874140933

КОНСТАНТИН ЧИЧИНАДЗЕ

П О Ж А Р

Как гроздь винограда зимой,
Так увяло лицо дедушки.
Нет больше его Нетеваны,
Давно перестал резать его выскорогий бык.
Вот перед домиком сидит на камне
И радуется своим ушам теплом солнца.
Уйдя весь в воспоминания, он
Спустил свою трубку в сторону и вниз.
Желтеют подсолнечники за огородом,
Облако обещает земле дождь.
Вдруг пионер, скачущий на палке,
Остановился перед ним.
Встрепетнулся он, словно хромая ворона,
На согбенное тело накинуд чоху.
Шамкая говорит: "Я был мальчиком,
Когда сгорели Ашвилевские леса".
И заалевший ужасающим пламенем,
Он вспоминает склянку сосновый.
Стоял он тогда, мальчик маленький,
Рядом со своим согбенным дедушкой.

Гроздь стихотворения: Дряхлый дед вспоминает событие из своего детства, - он стоял рядом со своим дряхлым дедом.

Размер правильный, рифмы перекрестные.

К моим стихотворениям в русском переводе больше подойдут мужские и женские рифмы.

ДЕВУШКА-МИЛИЦИОНЕР

Она, одетая по-мужскому,
С явлом и свистком в руках,
Стоит на перекрестке улиц,
Заклоченная в круг из пуговиц.
Шапка, надетая набекрень,
Кокетливо и очаровательно,
Черным каракулем красит лоб,
Гармонируя с бровью и ресницами /можно глазами/
Красивый проспект Руставели
Охраняет она.
Старается точно ерблюсти
Все правила движения.
Больше всего затрудняет ее
Один час утренний,
Когда с города снимается
Последневшая тень ночи;
Когда в Тбилиси с Махаты /гора//можно с восток/
Врывается войско лучей.
И на проспекте понесется плавно
Черная река машин.
Начнутся на рабочий день
Приготовления и сутелэка:
"М-1" гонится за Динкодем,
Нахальный пикап обгоняет Зиси.
Развязный

Выходят, как в басне,
Моська и большой слон,"
За троллейбусом несется с лаем
Смешной мотоцикл.

Волна напирает на волну
И гремит улица в один голос.
Движение регулирует
Чародейный жезл девушки.

Эта суматоха, этот грохот
Ветром проносятся над проспектом.
После уже ей работает
Гораздо спокойнее.

Тут она останавливает экипаж,
Там грузовик задерживает;
Буйного шофера нагоняет
Ее молниеносный свист.

А вот, словно в мечтах,
Царевну сопровождая,
Отходит красивый юноша
От блестящих пуговиц перехода.

Статного и горделивого
Она строго подзывает к себе.
Ошарашенный и пристыженный
Предстает пред антилопой лев.

Вотряхнулись локоны,
Приподнялась шея

И к виску прикоснулась рука
Белая, как вата.

Виножник молча переносит
Упреки и злейшее оканье.
Прочитав наставление,
Она отпускает его.

Юноша, повернувшись, уходит. Тогда
В женщине пробуждается Ева.
И тихий неожиданный смех
Бьет в спину Адама.

КАВКАЗ-АВЕНТИН

И. В. Сталину.

Подпирает небо, как титан,
И глетчеров зеркальными щитами
Огромной груди ширина
Встречает зной солнца и буйство ветров.

Уперно мощными фигурами
Извиваются облака вокруг тела.
Остроконечные черные ели,
Перерубленные, ^{штормом} вытянулись в стороны.

Внизу лежит дружина гор,
И в разинутые пропасти
Перегнулся серый Ризн,
Как огромная дымящаяся трубка.

Горделивый и мощный,
~~Он~~ ^ссдвинутыми бровями ^и смотрящий в даль,
Окружил он себя далеко раскинутым
Бирюзовым сводом неба.

Туман, отодвинутый до края могучим дыханием,
Словно снятая с океана пена.
Побледнели Кардильеры
И притихла Мауна-Неа.

Вот Памир и Вогезы,
Котлахи и огненный Везувий!
Несутся к ним орлы,
Как дикторы с вытянутыми шеями.

Т Е Д О

Сбор винограда. Дети, старики, —
 Все увлечены радостным трудом.

Один широкоплечий юноша
 Тихо напевает, стоя перед арбой.

Смотрю я ему в глаза,
 Он тоже смотрит на меня и не смущается:

Среди этих подростков, женщин и стариков,
 Почему остался он, молодой мужчина?

Звали его Тедо. Выкручивается должно быть,

И не хочет расстаться со своим гнездом:

Фальшивое свидетельство о негодности
 Лежит наверное у него в кармане.

Несут виноград быстро к арбе,

Приходят и уходят сразу.

Все корзины наполнились, — довольно!

Раздался свист плети /бича/.

Тяжелая арба медленно двинулась,

Я взглядом проводил арбщика:

Вижу, беспомощно висит на плече

Пустой рукав у Тедо.

ВСТРЕЧА

С глубоким вниманием присмотрелся я к тебе.

Издали словно на кого-то ты была похожа.

Но когда ты остановилась перед витриной -

Я в витрине узнал твою тень.

Не помнил я тебя! - Знать так же

Вращающееся колесо жизни:

Оно в тень отодвинуло прежний кумир

Иными стремлениями и заботами.

Теперь неожиданно, словно от кустов задала

Аромат несется от прошлых лет:

Ты же ведь та! - ученица

С белым фартуком и заплетенной косой!

Я вспоминаю далекое утро

Вечные ветры с запада.

Рукой схваченные учебники,

И твою быструю походку.

Сами загорались твои глаза,

Когда ты разряжала электромашину пальцем.

Твою память заполняли высокие вершины гор

И большие войны истории.

Если не знала ты, кто был,

Или когда умер царь Калита,

Твоя смущенная улыбка

Раскрывалась холодными жемчугами.

Тебя не мучили глубокие думы
С праподнятой грудью ты встретила жизнь
И пьяный гений любви
Спокойно пошел рядом с тобой.

Рука, изобразившая крестное знамение,
Слегка затрепетала от прикосновения губ...
Потом ты исчезла. Что стало с тобой?
Почему оставила твою руку?

И ты забыла мои дни
О, вращающееся колесо жизни!
Кому же угодить, сколько забот
Оно причинило тебе!

Какая усталость, какая тяжесть
В замедленном биении твоего пульса!
Как увяла твоя улыбка,
Словно, метафора в старинной поэме!

Finis

Последняя тень с лодки,
 Дрожь, сошла,
 И навеки перекрестными остались все шифры.
 Сложил на груди Харон усталые руки.

Поблудневшая луна и звезды
 Смотрят на землю с удивлением.
 Никто не придет больше. И из своей лодки
 Сам Харон ушел, опустив голову.

Качается лодка, и черные круги реки,
 Плача, ласкают опущенные весла.
 Со дна лодки на холодные звезды смотрит
 Шапка, наполненная облами.

Тема: прекращение жизни на земле.
 Размер свободный, рифмы - как попало.
 Можно придать строгую форму.

ВАРЦИХЕ ПОДНИМАЕТ БОКАЛ

Поднимает хрустальный бокал

И хвалится Варцихе:

"Нет у меня равных -

Старая крепость я.

Я почестей достоин -

Кто другой помнит

Блеска Гегути

И купола Баграта?

Как шелест листьев,

Запомнились мне

Трелетанье папанаков /имеретинские шапки/

И бег лошадей.

Много крови и вина

Выпил здесь паша,

Видал я и убежавших

Османа и Али. /Общее шутовское название турок/

Кончил я давить /виноград/ для царя,

Оставил меня /в покое/ и торгаш.

Ужели теперь для крестьянина

Урожай буду жалеть?

Мои огромные чаны,

Опоясанные железом,

Не успевают осушаться -

Наполняются вновь.

Необозримыми виноградника
Раскинулся я по равнине,
Кого же сторожем я выбрал бы себе -
Позади меня вадывается Зекар.

А спереди живительной струей
Прижимается ко мне Рион;
Вдали же стоит Кавказа
Белый синедрион.

Пусть здравствуют все!...
Этот блестящий бокал
Я поднимаю за страну
По ту и по эту сторону Лихи!"
Сверкает бокала хрусталь
И улыбается Варцихе:
"Мы - равные все,
Хотя и старая крепость я".

/Размер - семисложный стих,

Рифмы перекрестные/.

ТМОГВИЙСКАЯ КРЕПОСТЬ

Главой рассекла ты лазурь,
Замерла горделиво вознесенная,
Сражаются с тобой и не могут одолеть
Тысячелетний дождь и ветер.

Так стояла ты, мощная цитадель
Геройства и доблести,
Врагу не уступила светлого края,
Родимой стороны Руставели.

Много то было пришедших врагов,
Хлынувших черных орд!
Окрашивались в пурпурный цвет
Крутизны твоих стен.

Как боролась бедная страна,
Вечно опустошаемая, вечно угнетаемая!
Сколько раз лежала на смертном одре
И вновь подымалась, набравшись сил.

Ты вечно доспехами сверкала,
Привыкнув к незванным гостям.
Куре давала стносить много главарей
С головами, обвязанными белым платком /чалмой/

Рубила полчища мощной рукой,
Но потемнела ты, подобно бронзе,
Когда пали Таз-Кларджет
И крепости Артануджа...

Много ты знала войн и мира,
Давно выполнила ты свой долг,
И до наших светлых времен
Донесла себя в целости.

В Грузии две крепости:
Одна из них - многовековая Тmogви,
А другая - не сравненная Гори,
Крепкая и широкогрудая;
Гори, удивительно поставленный холм,
Грудь с молоком матери- Картли,
Ее мечта, плоть и кровь,
Основа могущества и правды.

Считает бессчетные бурные дни
Много взевавшая высоких стен ограда
И смотрит в сверкающее солнцем небо,
Как опустевшее орлиное гнездо.

КОНСТАНТИН ЧИЧИН АДЗЕ

ПУШКИНУ

Прошло сто лет.

Пушкин.

С того дня прошло сто лет:

Стоял ты, взятый на прицел,

Мишень великая, в которую

Попасть не трудно было.

"И где мне смерть пошлет судьбина?"

Опустил голову, ты угадал ответ...

"Прошло сто лет и что ж осталось" -

Выше твоих лучезарных стихов?

Несчастный Александрийский столп

Ударом молний опрокинут.

Зато ушел за облака

Верхушка твоего памятника.

1937 г.

УДК 82
ББК 84

КОНСТАНТИН ЧИЧИНА

Р О Д И Н Е

Вот, час испытания настал для тебя страна моя!

Блеску дня угрожает ночная тень.

Не раз ты испытала злобу времени,

Крови чужой и своей часто проливала ты.

Часто бывала ты растоптана и разорена

Дикой силой вторгнувшихся орд,

Часто села твои предавались огню,

Но возрождалась вновь подобно Фениксу.

Возьми же и теперь меч в руки -

Тебе же была свойственна храбрость,

Отвага примета мужества -

Особенно сегодня нужна тебе все это.

Пусть каждый день устает, каждая рука,

Пылающим пламенем горят все горы,

Чтобы разгромом вражеских полчищ

Ты навсегда прославилась, моя Родина!

1941 г.

КОНСТАНТИН ЧИЧИНАДЗЕ

БАРАКОН

Подо мной вновь родные горы цветут,
 И знакомое волнение вновь овладевает душой.
 На востоке раскрытые крылья вечера,
 Трепеща устремились к западу золотым потоком.
 Словно выступила на предпояк гора против горы.
 В тени крадется внизу Ризн, как дракон.
 На утесе дрожат лучи, - и Баракон
 Белеет, как лебедь на зеленом лугу.
 Уже Шуткарэ, нахмурившись, надевает на голову башлык.
 Бессильно трепещут отблески далеких молний.
 Вздетела стая голубей и стриви
 Снуют и кружатся над старой крепостью.

1938 г.

ԻԼՅԷ ՉԱՅՉԱՎԱԴՅԷ

Я помню: тебя называли маститым,

Одлежала седого дремота...

Видно, обременительно старлетнее время,

Полный оборот века!

... Что сделал ты? Трудно перечесть.

Ты, мыслей и чувств водопад,

Действительно предтечей пришел,

Действительно писатель и певец.

Много жарких слез упало

На страницы твоих книг,

Сколько рук хватало боска,

Утомленные смехом, вызванным тобой.

Умел переходить в наступление и брать реванш

Ты, добра и зла великие весы,

Развязый изменивших родине

Суорво, без сожаления.

Отцы с тобой проиграли сражение,

И на сыновей обрушил ты свой гнев.

Вокруг тебя, стягченного трудом,

Шумели бури и метели.

Запершись у себя, ты целые дни

Буйствовал над письменным столом.

Победоносно потом в типографию

Ты устремлялся, сияющий.

Была у тебя могучая вяя, как у вола,
Давиной лапой совершал удары.
Великолепного поэта тяготила судьба
Банкира и редактора.

Но, побежденный иным влеченьем,
Когда притихал общественный труженик в тебе,
Уйдя от людского гомона,
Ты из города спешил в село.

В Сагурамо с видом поэта,
И гость и хозяин в доме своем,
Свободно, с расстегнутым воротом
На широком балконе сидел ты.

Разбрасывало золото утро,
Начинал щебетать птичий хор,
Надвигался вечер тенью,
Разозвело закатное небо.

Выпускал дракон луну,
И она освещала племь гор;
Бледнел Мухранский дол,
В ущельи Арагва пошла галос...

И когда покрывом светлого сна
Селение затягивалось,
Показывалась на вершине Зедазна
Высокая тень Отшельника...

- 3 -

Стройный, худощавый, строгий
Стоял призрак, рожденный в тебе.
И ты тоже стоял, мечтой опьяненный,
Лбом прислонившись к столбу...

Так жил ты, и водновали тебя,
Опекавшего свою страну,
Красота, когда она мелькала,
И мерзость, которую ты видел.

Много боролся, много стирал,
Горели душа и мощное тело у тебя.
Поднимавший родную землю вверх
Сам упал на нее, забрызгав ее своим мозгом.

Словно был твой мозг,
Мозг вдвойне плодородный:
Страна наполнилась зерном и вином,
Мощно забился ее пульс.

Устеряет силы свои
Бодрствующая теперь твоя отчизна.
Если б ты знал - твоему и ее врагу
Какая судьба, какой Цицатур достался!

Если б ты знал - коснулся глэзвой
Неба витязь могучий,
Со дна Багадет миллионом рук
На солнечный свет поднятый.

Л А С Т О Ч К И

Каждой весной прилетают

/Так продолжается уже 6-й год/

По лестнице трепеща крыльями, поднимаются,
Туда, где их старое гнездо.

Осторожно покрутятся над лестницей,
Под любимой крышей сладостно щебечут
Засыпают вечером вместе
С"ежившись, если холодно;

А когда кругом тепло,

Дремут, бодро загнув шею,

Пока не придет утро Тбилисское

Полное вкусных жирных мошек.

Одна из них и днем засыпает,

Глубоко сидя в гнезде.

Под конец то ведь заставит щебетать гнездо

Поразительная сила природы.

Сердца родителей что обрадует

Сильнее, чем эта радость:

Они прибавили к миру существ

Четыре /новых/ пушистых существа.

Залетит мать или отец,

Затрепещут /запеваются/ все вместе

Пока их любовь проявляет в еде

И рты раскрывают, желторотые.

Вырастут в заботах родителей
И нет предела радости,
Когда над лестницей кружась с опаской,
Припрыгают постепенно к летанию.

Пройдет лето, как миг,
Придет прохлада осени -
Пора родового совещания,
Время чинного сидения на проволочке.
Улетят. Перед ними путь безграничный,-
Чуждые долины, незнакомые горы...

Их охватят мысли ночные / туманные /
Прорежут небо крылья трепетные.

Поднимутся / в них / чувства немые
Скрытые в подсознании -

Воспоминания и любовь
К оставленному далеко родному углу.

Их моя лестница мечтами утешит
И, стоя в их маленьких мозгах,
Над Аравией и знойными Марокко
Пролетит, как ветер.

КОНСТАНТИН ЧИЧИНАДЗЕ

АПОЛОГИЯ РИОНА

/Поэма/

Я сегодня твой исток вижу второй раз.
 Здесь имя "Фазис" к тебе подходит.
 Мечешь мне в глаза красные крапинки форелей
 Ты более прозрачный и нежный чем детская слеза.
 Пью горстью твою воду, мягкую, как молоко.
 Твое дно усеянное камешками пепельного цвета,
 Ласкается ко мне притушенным сиянием.
 Здесь твое течение пенистое и быстрее,
 То горячее в золоте света,
 То бледное в тени глухих ущелий,
 По зеленому склону стремится.
 Но видел я и нечто иное... Когда я
 Очутился свидетелем твоего бурного возмущения.
 То строки я тебе посвятил разные:
 Но нежно очерченные, то жесткие —
 Как шелк и шкура дикого кабана.

х х х

Это случилось в прошлом году. Вкрадчивая болезнь осени
 Желтыми янтарями очаровывала окружающие места;
 Тихо радуясь и молча переносила горечь увядания,
 Как подружки следовали дни за днями.
 Последней улыбкой дышали поля
 И ослабевший лес спал в мертвенном покое;

В памяти твоей воскресали
Золотое руно, Медея и Аргонафты.
И эту твою мечту о прошлом
Осторожными нарушали на заре,
Снутившиеся к тебе на водопой, туры.
А когда, иссеченные черными контурами,
Вырисовывались горы на вечернем небе,
С быстрыми гончими и луком в руках
На ластовище подымалась бледная Диана,
Чтобы охотой изнурить свое бесстрастное тело.

х х

х

Но неожиданно светло - синяя парча неба
Сменилась лэхмотьями войлока,
И оно /небо/ закрыло землю, как огромная ступа.
Где-то пролетел, коротко каркая, ворон.
Черным карнавалом развернулся скрытый гнев
И с ужасающей тяжестью грянул гром.
Тяжко вздохнул еловый бор Гялы,
Когда, нервно дергаясь, блеснула молния.
Помчалось небо вниз ошеломленное и грозное;
Шумно задвигались ветви дубов.
Капли дождя падая раскрывали крылья,
Словно бесчисленные цыплята гигантской наседки.
Ошестившиеся ручьи вступили в русла,
И, делая головокружительные прыжки,
Низрынулись с высоты в мрачные пропасти.
Колыхается океан тумана несметными полчищами
И застилает скаты гор, медленно останавливаясь;
Глубокие ложбины превратились в такие желоба,

Словно растаяли и потекли неиссякаемыми хлябями
Вековечный снег и глетчеры Кавказа.

х х
х

Наполнился ты водами. Потягиваясь чувственно
И приподняв выше облачный навес,
Рядом страшных копий расположил ты на своей груди бревна
И крикнул горам, чтобы они дали тебе путь.
С ревом и воем встречает тебя Сакаур /а/.
Шумно мчится к тебе Гарула, затопив поля -
И беспокоит больше ее трескотня мельниц,
И чрезмерно гордясь своими трофеями,
По счету сдает она тебе доски и строила от них.
Теперь то ты уж к бесшадному бою готовишься!
Присоединились к тебе ржавые нарваны;
Лизнул и равне с плитыны сначала,
А затем ринулся на Опиюкий мост с правого фланга.
И неожиданно большая победа досталась тебе:
Надолго распростились друг с другом жители противополож-
ных берегов,
Когда с удручающим грохотом
От равне сениго берега оторвался мост.
Там же хваления вознес тебе вкрадчивый Джеджор
И доложил: "Кведрул /а/ готовится
Хлынуть разом и переполнить твой бассейн!"
Сокрушительной борной провед ты по сорийским полям,
Кремнегрудая, подымающаяся двумя башиями,
Бой завоеует с тобой Скодэра,
Но и здесь попытка врага потерпела крах.

Полетел разведчиком орел с цесских гор
 И обзорел твои берега с высоты.
 Вот с далеких пастбищ, как бешеный бугай,
 Мчится к тебе Лухун, твой любимейший вассал!
 О, его упрекать никогда не приходится,
 Теперь же исключительную награду заслуживает:
 Разгромив Ураву и Коретул,
 Столбы и бревна вместе с валунами примчал к тебе.

х

Темную ночь раздирает ваш грохот,
 Дрожат порталы Баракона,
 И в блеске обнаженных сабель
 Поднимают наверх ослепленного Ростом /его/ сына зья.
 Знать, нагрянул на них коварный царь,
 Быстро надевают на отца железный панцирь
 И на пистолетах пробуют кремни.
 О, Саламон! Не будет тут осечки...
 Многие ты /Рион/ можешь вспомнить здесь -
 Тамар и Кахабер бывали тут,
 Но теперь тебе не до воспоминаний.

х х

Уже готовится для встречи Хидикар!
 Ты устремился, и там, где в зимние дни,
 Погружаясь в тихий сон,
 Растилаешься бирюзовыми шелками,

Твои волны, ревя, вступили в бой снова со скалами,
Но с высоты Велит в тебя, дракона с разинутой пастью,
Копье вонзил Побе доносец.
И раненый ты, страшный серый зверь,
Меж мостовых быков прорвался с вогнутой спиной;
Но удержался мост, как седло на мчащемся коне,
И крепостью старинный зажал твои бока.
Призывает Крихула враги, насыщенные водой,
К разрушению всех путей и всех убежищ,
И ее грохот, как песнь Андркагара,
Повергает в ужас Квабткарских девов.
Как ястреб, летит Рицеула с гар
Раненым тигром звергнулся в твои об"ятия Аск,
Черный Лакнар, с облачным шлемом на голове,
Предлагает помощь тебе со своих склонов.
Шаар к тебе предлагает путь под землей,
Чтоб одерить тебя скалами щедрых Бакерал;
И ты, преисполненный могущества и красоты,
И потрясающим грохотом промчался среди скал Саирме.
Затем Меквена, Кут аис... Бьешь молотами,
Задернутый на дыбы, ты обливал Белый Мост.
И над улицами и домами ужаснувшегося Балахвана
Распространил круги своих волн.

х х
х

О, не выдержишь ты борьбы с широкою равниной,
Если не об"единишь своих разбросанных рукавов.
Но готовит новый потоп для тебя Зекар
И облачные стада доит Нигзит.

Несется, пресмыкаясь, Цителя, мчитя Квирила,-
Поблудневшая Имеретия залилась плачем,
Когда владычица /Квирила/ черной руды /марганца/ обдала
ее мутью.

Вот, наконец и братская встреча:
Загрохотанный Цхенисцхал, грубо развалившись,
Затопил луга и ровные поля,
Несет вырванные с корнями деревья
И мячами мчит ованов /утопленных, с мешками из козьих шкур.
Менгрелия воплила в воде!
Излишни уже и Абаш/а/ и Техур/а/.
Увидев тебя окаменел от ужаса Поти.
Но в дугу желанной пристани
Ты вошел, проникнутый иными чувствами.
Когда разнес баржи и быстрые шхуны,
Выведенные из раскинутых сетей рейсов,
Ты попросил у больших пароходов из Палермо и Марселя,
Чтоб они, подымая могучие волны,
Передали бы твой привет далеким морям и рекам
И донесли бы гордой Роне, красивой Дуаре,
Чтобы ни одна из них не отказала бы тебе в своей руке,
Как старинному, горделивому рыцарю.

КОНСТАНТИН ЧИЧИНАДЗЕ

Советскому Узбекистану

Ты весной наряжаешься, как Ширин, в зеленем.
В осень входишь ты ватой укутанным станом.

Пладами труда полны твои долины и горы.
Была красива ты и становишься еще красивее.

Лезвия притупляются у тракторов, взрывающих твои целины.
Сыр-Дарья и Аму-Дарья тебя обтекают заботливо.

Где засухой выжженная, помертвевшая земля,
В ожидании дождевых капель лежала, каждой замученная, -

Проходят там теперь бороздами большие каналы,
И поля ороют с"ума хлынувшие туда воды.

Знаем и удивляет нас неискуемое словами
Твое героическое прошлое, храбрость твою.

Ты на врага бросался, словно быстрый барс,
Небо молниями бороздил твой оголенный меч.

Теперь ты залечиваешь раны неустанным трудом.
Но если наглый враг пригрозит войной, -

Взнесется вверх гордый стан /плечи/ Гор-оглы.
И старый мир вновь задрожит от страха.

Каким ясным светом озаряют тебя эти пятнадцать лет!
Пусть лежит пред тобой длинный путь движения вперед и
всхождения,

Виднеется Нигер, слезами орошенный,
И Миссисипи вытянутая лента,
Где изрыгают глухой ропот
Гневно раскрытые бесчисленные уста.

Блеск миллионов глаз
Устремляется на вершину, разрывая лазурь,
И трепетанье крыльев рока,
Как шелк, разворачивается над ней.

А он дробит отвесную скалу,
Выгнуты жилы на шее,
И вырванные железные столбы
Шумно бросает за моря.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ.

(Подстрочник)

1. Каспий.

Мрачно, угрюмо встретило ты нас вчера,
Но, раз подошли, что уж не отступили назад.
От участвовавших штормов полученный насморк
Постепенно оставляя тебя, ~~шатаясь и окая,~~ и ты ~~между~~ и окая.

Средина твоя пугала нас, средина твоя -
Ужасных зверей ревушая берлога!
Отшатывалась, вновь напирала, качаясь и сопя,
Хлебущей бури пенястая грива.

Стемнело. Закрылась изодранной ночью
Одинаково раскинутая окрестность.
Хребты волн серебрила, иногда мгновенно,
Шатаясь в черных тучах, согбенная луна (лунный лук).

Словно рука невидимая, гигантская рука,
Адские яды, шумя, замешивала.
Иногда мозг бороздил, как раскаленная проволока,
Притягивающего прыжка леденящий зов.

Победили, победили! и прямым рейсом
Поднягаются вперед наш пароход - обрызганная мошка.
Вот уже Туркмения, показывает издали нам
Острую вершину горы, как поднятый большой серый палец.

Сегодня поздняя осень нежится в золотом сиянии;
Теперь от твоего бушевания и следа не осталось.
Пересели, понеслись мы поездом бы трим,
Всматриваясь в безмерность твоей бирюзы и перчи.

Вот как успокоил тебя, лежащую с вогнутой талией,
Обветренного континента, пустынный рот!
В его лапы ввергнуто ты, как его жена,
И блещет на лучах солнца серебрянная кайма твоей юбки.

II. Каракуч и Неса.

Стродье морских волн и антипод моря,
Каракум, трудно воспеть тебя в стихах!
Противен тебе наряд травяной, или же лесной,
И трепещет от страха твой хлопковый ободок.

Спорит вечно человек с тобой, угрюмым и бесплодным.
Кто не испробовал на тебе своих сил:
Бактрийцы, согдийцы, монголы, турки.
Каракум, и ты не малое количество крошил черепов!

Вот на твоей окраине похороненная Неса, -
Столичный древний град и царские палаты.
Окаменелый пульс, слезы и стоны
Заступом и киркой выбивает из недр земли археолог.

По раскопкам продвигаемся мы осторожно,
Колонны и ступени лестниц считаем.
Даже выкрашен был оказывается этот дворец -
Коридоры в белый, залы в красный цвет.

Пиши и чаны, водовместилница широкие...
Вода под крепостной стеной, притекала вот по этой трубе.
Вслушались мы пространные разъяснения ученого.
Солнце зашло и вечерний сумрак надвинулся на раскопки.

Хватит этого на одну страницу истории:
Сколько времени нет уже здесь бактрийского царя.
Пасется теперь тут черными лохмотьями раскинутое стадо овец
И бегающие собаки лают, подняв морды вверх.

III. Султан-Санджар.

Здравствуй, Султан-Санджар, здравствуй, Санджар! *)
Перебив свой путь, я заехал к тебе в гости.
Стоишь ты тоже с трепетом у окна усыпальниц
И смотришь молча на немую окрестность свою.

Стоит еще, дырявая и полуразвалившаяся,
По далеко выдвинутым колмикам обходящая стена.
Растрескались твоя известь и облицовка -
Затянутая неводами пауков, гнезда голубей.

*) Султан-Санджар - большая мечеть XII в., около которой долгое время проживал Амар Хайям.

За веком век свирепо гнался тут.
Насупившись, медленно разгуливал Хайям.
Земная пыль ему казалась прахом своих предков,
И горшечник (его друг) с трудом разбирался в его стихах.

Куда девался Хайяма мятущийся ум?
Куда ушел горшечник - трудолюбивый и тихий?
Между самым великим человеком и самым маленьким
Очень много общего и совсем мало разницы.

Мерещится тебе, увенчанной полумесяцем,
Крестообразный силуэт - твой старый враг.
Похожи оба на чучела мертвой веры -
Ты, огромная мечеть, и Крестовый Монастырь.*)

Смотрел я на тебя и представилось мне мрачное прошлое -
Кровавый путь, вытянувшийся за тобой.
Стемнело; полный месяц, поднимаясь, всмотрелся в меня,
Как гневом запылавшись, глаз Тохтамыша.

17. *Базар в Мерве.*

Сегодня на родине Рамина большой базар;
Старый Мерв берет эту традицию.
Стремятся Дехканы к нему со всех сторон;
Они сидят на ослах, армии которых покрывают широкие дороги.

Семеня ногами и болтая длинными ушами,
Быстро идут осла, чтобы подоспеть к базару.
Там и сям среди них выдвигаются горбатые верблюды,
И мерно стекают с их загнутых шей звуки колокольчиков.

Вот таким образом шли в глубокой древности
Неизвестные, забытые, бесчисленные племена.
Оставили они курганы, как знаки своих могил;
Видно, и они тоже не хотели быть забытыми!

*) Крестовый Монастырь находится около Идхет (с ним связана поэма Лермонтова "Ицъри").

Убегали они от бедствия, готовые снова их перенести,
От гнева своих злых идолов, или от истощенных земель.
Перед пустыней и морем разбивались пути -
Часть их неслась на Урал, другие врывались в открытые дв
Ир

Неслись они всеми путями и тропинками,
На верблюдах, ослех, лошадях и пешками, -
С перекошенными лицами, мутными взорами,
Вытянув сабли вперед, крича, хохоча и рубя.

Протаптывали поля и луга, оголяли леса,
Переходя за все рубежи и разрушая все знаки границ.
В битвах и гоготании проводили они дни,
А ночи - в облизывании грязных грудей (своих жен).

Удалялись от каждого становища и оставляли быстро
Слоновые луки, мочи и черной крови.
В закатное небо блеяли стада овец
И коровы мычали, призывая оставших телят.

Как стаи галок, шумя, путались между собой миллионы фамил
Количество мертвых равнялось листьям осени;
Нетерпеливо напирали хляби будущих орд
На выпяченные вперед чрева женщин.

Разместились. Море запасов иссякло у неиссякаемого;
Умиротворилось семя старого континента;
Из сердец, истерзанных страданием и остервенелых,
Выпарился тысячелетиями кипевший яд.

Вот лица теперь спокойные и добрые.
В лучах солнца растворилась мгла непроглядных ночей.
Устроил старый Мерв сегодня большой базар -
Торжище, обмен товарами и братскую встречу.

У. Одинок из Самарканда.

Люблю провожать взором дорогу из окна.
Вот один из них (дехан) возвращается с покупкой.
Плетется на осле, видно, что для него
Ничего из себя не представляет наш поезд.

Но ведь это целый мир, наполненный весь
Радостью, любовью, горем, желаньями,
С остервененьем прорвавшийся в широкие пространства,
Рассекая встающие на пути дни и ночь.
И.

Для него не ничего - принесенная ветром
Какая-то вытянутая грохочущая лента.
Он стремится своей дорогой, сидя на осле, -
С нетерпением ждут его жена и дети.

Вот придет, встретит его невзрачная жена.
Задет он и передаст ей цветную ткань.
Женщина ощупывает (ткань) и спрашивает стоимость.
Он шутя раздувает цену, потом говорит правду.

Обрадуют его вытянутые ручки двух ребят;
Наверное он им привез в подарок сласти.
Вот развязывает он узелок тонкого платка
И осторожно берет леденцы красные, как лалы.

Один моментально кладет себе в рот свою долю,
Другой же, шача, отстраняет неудовлетворяющий его кусочек.
Отец желает вселить радость во все сердца
И успокаивает ребенка, прибавив немножко.

Задут к нему соседи со сладкой улыбкой
Он расскажет им о базаре, будет болтать долго.
Потом, облокотившемуся на мягкой мутаке,
Поднесут ему, как хану, зеленый чай в белой пиале.

Никогда более моя жизнь не столкнется с его жизнью.
Будет себе ходить он в пестром халате.
Несется наша земля - космический корабль -
С миллиардами дверей, с миллиардами нор.

VI. Собака.

На нее, лежащую в сухой соломе и спящую сладко,
Стрелой налетел пронзительный свист локомотива.
Встрепенулась, моментально вскочила на ноги,
Погналась за нами и начала сердито лаять.

О, собаченка, прости, что потревожили мы твой сон!
Куда ты бежишь, глупенькая, почему ты так сердита?
Какие надежды раздули твое крохотное сердце,
Какими миражами просветлен твой беспомощный мозг?

Устала в беге и ее гнев смягчился,
Отвязалась и начала крутиться вокруг сухого колбачика.
Вертит хвостом и смотрит; есть, должно быть, и у нее
Свои собственные мысли и свои заботы.

Никогда второй раз я тебя не увижу,
А ты, бедная, все время так должна лаять,
Удивительным способом, поразительной силой
Одухотворенная для таяканья, мокрой земли комочек!

Будешь бегать и таякать днем и ночью ты;
Крохи хлеба и множество обглоданных косточек достанутся тебе;
Подконец издохнешь ты где-нибудь за огородом, и этим
Кончится твоя странная обязанность перед миром.

Некоторое время ты еще будешь походить на маленькое существо
С приподнятой кверху лапкой и оскаленными зубами,
Пока земля твои все элементы
Не вернет себе ломая и разрушая.

УП. Джеон.

Отойди, отойди смуглая тень!
Отстри от меня надоедливую, высушающую душу мышь.
Для дружбы и братства не пригодна ты,-
Я жажду покоя и светлой радости.

Раскинь хлопьями направа и налево
Дым свой, паровоз, мощно шествующий по начертанному пути.
К закату приближается солнце, расчесывая лучи
И мир закутался в пламя его блеска.

Вот загудел мост, закованный в железо.
Привет тебе, великий Джеон! *)
Целиком охваченную удивленным взором,
Я хочу твою ширину навеки носить.

Лижет Каракум жадно твои соки,
Но смертельного урона не может причинить тебе.
На солнечной ткани лениво раскинувшийся уж,
Ты шавно стремишься к соленому Аралу.

*) Джеон. или Джейхун, - Арабское название Аму-Дарьи, одной из четырех рек, вытекающих, якобы из рая; упоминается в поэме Руставели.

Горделиво извиваешься /туда и сюда,
В сухих песках теряешь /многие ответвления.
Выводят узоры бесчисленными копытами /на влажных твоих берегах
Антилоп и ланей /скачущие стада.

Переполненная и насыщенная /авганскими дождями,
Авганских потоков /собрание и сумма,
Равской рекою, что /слывешь, не гордишься этим
И кормишь Хорезм¹⁾ /своим тучным илом.

Можешь-ли вспомнить /еще Хорезмийского жениха? ²⁾
На верблюдах и мулах отправил / (в Индию) ты его или на лодках?
Как разодрали /полотнище его палатки!
Вернулся он к тебе /с треснутым черепом.

Примчавшись из Магриба³⁾ / конь Автандила
Показывал тебе /пенистый рот и вилы ног.
Статные витязи⁴⁾ / как пальмы Эдема,
С тобой, великим Джеоном, /сравнивали ливни своих слез.

Уш. Тигро.

Пламенеет на куполе неба /строй светил;
Ищется звездами /испещренная ночь.
Прозрачные пространства, /как необ'ятная чаша,
Пьянящий свет луны, /бледная, пьют.

1) Хорезм - Хива, упоминается у Руставели.

2) Жених главной героини "Тигровой шкуры" (выдавали насильно); был убит Тариалом (он хватил его спящего в своей палатке, об столб головой).

3) Магриб - Северная Африка (Марокко);
Автандил - герой "Тигровой шкуры".

4) Тариэль и Автандил.

Черное пятно тени, падающей от дыма,
Ползет рядом с поездом, как гигантский еж.
Вот уже виднеется знак приближающего утра.
Рассвет приподнимает вверх красноватую бровь.

Далеко края загнули ровные степи,
Словно мир сам старается принять свет.
Здесь я поверил в сферическую форму земли,
Здесь убедился я впервые, что она действительно вращается.

Не видно предела этого потока света,
В золотую сеть закуталась необозримая равнина.
Пасущиеся верблюды к солнцу обращают загнутые шеи
И сухими головами машут беременные кобылицы.

Растянулось хлопковое поле (убранное) красноватое и влажное.
Скоро мы будем в старой Бухаре, ~~в конце концов~~
Здесь фазаны затмили Алазанскую долину:
Взлетают и показывают нам свои огнистые хвосты.

С каким шумом и торжеством вылетают они!
Словно наши вагоны в ракеты попали.
Вот и охотник с ружьем на изготовку:
Ружье ваметнулось к солнцу, блестя, грянуло и - пошло.

Померкла светлая линия (полета), как переломленная хворостинка
Наверху виднеется лишь редющий дым. (побег)
Знаю, уже закрылись медленно веки,
Знаю, красная кайма окружила клюв...

IX. Бухара
IX.

Ты красиво расцвечена, Бухара, и гордишься очень
Своими высокими колоннами и вкругленными куполами.
Сколько схваток и побоищ имело место
Вокруг тебя в сверкании сабель и скрежете зубовном!

Приобретала и обогащалась, ненасытным амбром
Стоящая в сердце огромных караванных путей.
Какую бесцельную постройку представляют из себя те перь
Окружающая тебя стена и двенадцать ворот!

У тебя тоже в большом почете были мечети.
Впитали их фасады солнечный свет в бирюзовую окраску.
Твои арабские фолианты спят в медресе
В тысячелетнем аромате и тысячелетней пыли.

Взвон сколько богословов угасили они!
Какие блаженства сулили они погибшим в боях!
Заблуждения, заблуждения, везде следы заблуждений -
В Мекке, Бухаре, во Мидхете, Риме...

Что было у человека? Бедствия одни.
Шел он из тьмы веков и нес
Измученное, исколоченное, израненное сердце свое
И глаза затуманенные мраком печали.

Запад и восток, север и юг
Видели молитвенно вверху бесчисленные руки.
Обломки надежд видели они перед собой, как ответ неба,
И ливни горячих слез текли, текли...

Завершился, запечатался великий цикл
И опустился в бескрайний склад времени.
Обнажившаяся история, как кокетливая женщина,
Ослепительные наряды друг на друга кладет.

Эмир
Х. Эмир.

Я дворец осмотрел здесь, Эмир, твой.
Пригодятся для музея залы просторные.
Нежилась ты в этом просторе, просторно зевая,
И все номинальные права властелина ты проявлял только здесь.

Ты кресты и медали царской России носил на груди,
Курбан Курбашей и раб Николая.
Сидящий празднично рядом со своими толстыми женами,
Ты уронил вес и значение сана эмира.

Для дехканов ты был альшим из альх;
Перестали, наконец, они прощать тебе свою кровь,
И закутали они, закутали твою чернобородную голову
Не в белую челму, а в туман забвенья.

Нашли они, что хватит / проливать тебе чужой пот,
Хватит тебе грабить / города и деревни.
Теперь сама наряжается / страна дехканов
В пестрые халаты / и вышитые шатры.

Самарканд
XI. Самарканд.

Самарканд! Это имя неслось / топча много веков.
В незапамятные времена / заложена его основа.
Этот город полностью / принадлежит тебе, Завоеватель,
Здесь царит твоя тень / сумрачная и гневная.

Камень, положенный на твою грудь, - черный нефрит -
Я нашел в молчаливой / мечети Гур-Омира.
Ты си старые знамена, / непобедимые, стоящие у изголовья,
Нетленно сохранили / шелка и дrevки.

Вот, оказывается, где отдыхаешь ты, / утомленный битвами!
Тамерлан, быть может / святым считает тебя!
Твой великий Улуг-бек / спящий у твоих ног,
Быть может и под землей / пытается разгадать начертания судьбы?

Кровяные жертвы щедро приносил / ты счастливой судьбе,
Ты миру причинил / ужасающие раны.
Промчался ты по царствам / великим и малым, топча их,
И зубами выгрыз / у Кавказа сердце.

Ты свет распространял / заженной лучиной.
От одного пожара до другого трепетало сияние.
С Аракса и Алазани, / с Дияхвы и Куры
Гнал ты сумрачный / цвет ночи.

А теперь с запоздалым упреком / как обратиться к тебе?
Твои дела и так / оказались кратковременными.
Идей не хватало тебе, / хромоу герою,
Хоть и остер был / твой молниеносный меч.

Идей не хватало, / герою, идей!
Мало было закалывать / ножом людей.
Погибла твоя слепая / и свирепая династия
Твои земли растражи / в руках твоих же сынов.

Великий улугбек у Гур-Омира Самарканда.

О, если-бы, Тимур, мог бы ты восстать,
Чтобы опять посмотреть на любимый Самарканд!
Не узнаешь его ни ночью, ни в полдень.
Посмотришь туда и сюда гневно, сердито.

На площади удивит тебя стоящий портрет:
Кто пришел? Откуда? Что за лицо? Чье оно?
Сколько бы не поднимал плеч вверх,
Урому великан, не поровняешься ты с ним.

И тут ему главенство и первое место,
Стоит на полотне, закутанный в северную метель.
Смелый, с ясным взором, стоит он
Лицом к Сталинабеду, спиной к Сталинграду.

Выдвинул Кавказ вперед свою высоту,
Как мировой Авертин и стальное могущество.
Поразительное восхождение и удивительная судьба!
Смотрит герольд всех угнетенных земли.

Смотрит, словно рулевой, на огромном корабле,
Чтобы перебороть волны режущие и мятущиеся.
С Платопалмиром ровняются и перетекают через него
Облака (пар) идей и дым трубки!

-"-"-"-"-"-"-"-"-"

И. М. Мухоморов

НА СМЕРТЬ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА

"Деянья всех людей - как тень в безум-
ном сне,

Мечта о подвигах - как детская заба-
ва..."

Валерий Брюсов.

Вот подвели к тебе белого Патмосского коня.

/Рожовой полет бреду воспаленья!/
Лучезарные бриллианты мирозданья

В последний раз обожгли твои глаза.

Холодная смерть - конец всего.

Ассаргадон, Вавилон, Тигр, Мидия.

В померкших зеркалах души медленно проходя

Небледневшими символами вечности.

Заставила тебя поэзия осушить кубок яда

И навеки усыпила твой усталый мозг.

Над тобой встал, как во сне поднявшийся стог

Черный конус темной ночи земли.

1924 г.

КОНСТАНТИН ЧИЧИНАДЗЕ

ЧУЧЕЛО ЦАПЛИ

Не шумят больше взмахи крыльев,
 Рядом с тобой твоя подруга больше не ходит.
 Дан тебе последним убежищем
 Маленький уголок на письменном столе.

Смотришь высоким взглядом на книги,
 И, словно чуешь рыбок перед собой,
 Вытянулся вперед твой острый клюв
 И застыли стекла глаз.

Должно быть вспоминаешь лазурные дали
 И прохаживание по тростникам с изогнутой шеей.
 Хочешь улететь, но не позволяют
 Прутья, продевшие в тело.

Размер правильный, рифмы перекрестные.

КОНСТАНТИН ЧИЧИНАДЗЕ

В Е Р Х А Р Н

Огонь и лед, изал-изумруд, дождь и ветер -
Чего только не вмещало твое гремящее слово /стих/,
Перчу и атлас натянул на грудь моря,
Золото расплавил, чтобы залить ее.

Полотна не хватило - небосклона /закатного/ коснулся оукс
И раскрасилась с твое пространство, раскинутое полотном.
Где над зашедшим солнцем сверкает зарево,
Ты распял там вечера окровавленные.

Обезумевший в лесу предвечных
Ты разводил костер и сам горел в нем.
Куда идти и что делать не знал ты,
Насилел, как ураган бушующий!

Искал образ неясный еще не замеченный -
Неба темный взором рассек молнией
И, как орел вонзает когти в свою жертву,
Ты впился ненасытными дикими глазами
В приврак чуть мелькнувший там и вновь скрывшийся.

И ничего! И тобой овладел всевладеющий.
Как муравей, как червь под ногами,
Под пылушим паровозом был раздавлен
Ты - страшный вестник ничтожества!

Л Е Н И Н

Вот посмотрите, как быстро мчится время,
 Как легли друг за другом 16 лет.
 Каждый из них — позвоночник века
 Золотая огнем длинная полоса горного хребта.

Легит в мавзолее ^{великом} ~~старом~~ борце.

Не меняясь в лице, он перенес эти 16 лет.
 Страж кремлевских стен и Красной площади,
 Он спит, а враги потеряли сон /лишены сна/.

Словно прислушивается он к каждому шороху,
 Над ним пронесится нерубленное на пятилетки время,—
 Грохот и гром мужества и твердости

Время от времени на него посмотрит черный глаз.
 В нем /глазу/ светильником горит исполненный долг —
 Неукоснительное выполнение великой клятвы.

МАРИНА РАСКОВА

/подстрочник/

Понесся? гудя, от земли
Восходящей спирелью
И с раскрытыми крыльями,
Как стрекоза огромная,
Впился в небо
Самолет славный.

Как легок металл!
Три героини -
Его экипаж.
Борьба - их страсть
Не боятся ночи,
Ни ветра, ни дождя.

Действуют руки,
Но в безмолвии
Сомкнуть уста...
Уборы головные
Из мехе -
Как шлемы, на них.

Туго затянуты
Кожанными жакетами
Высокие грудид.
Каждя из них,
По распределению привычному,
Занята работой.

Увлекает их полет быстрый.
Сомненье, хотя бы тайное,
Неведомо им,
И не волнуются вовсе.
Покоются на их бедрах
Револьверы в кобурах.

Одно великое желание,
Жажда победы
Воодушевляет каждую из них...
На высотах дыхание учащается.
Открывают они
Болонь с кислородом.

Несется самолет.
Часами небирает он
Месячные расстояния.
Идет навстречу с реками,
Рудниками и лесами
Дальний Восток.

-:-:-:-

В звездную ночь
С привычной смелостью
Самолет, примкнув к небу,
Несся вперед,
Гремя и сверкая
Подобно комете.

Утром показались туманы.
Небо хмурилось.
Растягиваясь и растекаясь
Двигалась бесконечная
По всем направлениям
Пелене густого тумана.

Серыми слоями текущее
Дыхание могучее
Тихого океана
С шуршанием несло ветром,
Подобно Левиафану ?
Широко развернутому.

Мчащийся на урагане
Экипаж непреклонный
Чего только не одолеет,
Забыл он про сон.
Не кончается пространство,
Кончается бензин...

Спустились сквозь облака.
Внизу показывал отчетливо
Землю растаявший туман.
Как черная бурка, развернулась
Под ними тайга -
Бескрайний хвойный лес.

Нерубленный, необкоженный,
Впился он своими елями
В землю, словно плевками.
Темнеет он, как море,
И, качая верхушками,
Борется с многозвучным ветром.

Ищет Грызодубова,
Но не находит
Места для посадки
Утомленного самолета,
И опять летит вперед,
Пологаясь на слепую судьбу.

А бензин кончается...
Ураган свирепеет:
Снова, подобно плевкам хаоса
Изрыгнул он туман
И накренил "самолет"
Как подстреленную дрохву.

Внизу тайга гористая,
Наверху циклон крылатый -
Сочтены минуты.
Постепенно холодеющие
Дрожат двигатели
Со скрученными жилами.

Значит гибель неминуема,
Моторами стучали
Их сердце хребрыне.
Поднялся вдруг
Командир и обратился
К штурману с приказом.

Выхода иного не было:
Она должна была выпрыгнуть,
Чтобы спастись.
Пилотам же следовало
Остаться до конца
На самолете.

Чтобы спастись?
Хочет поднять спор
Удивленная Марина.
Почему лишь она
Должна спастись от катастрофы? !
Нет она этого не сделает...

Опять глаза огонь метнули:
Снова то же предположение...
И Марине Расковой
Подчинилась приказу,
Отстранила карты,
Оставила самолет.

Одно было желание,
Жежда победы,
Воля упорная...
Раскрылся, шурша,
И опустился, качаясь,
Белый парашют.

-:-:-:-

Это кто? Что это такое?
Встрепенулась белка, спавшая на дереве,
Спрыгнула быстро,
Фыркая, вниз
И удивленными глазами
Стала смотреть наверх.

Хвост, как серп,
Скрутила и стала
Дрожать от страха.
С белыми крыльями страшное,
Что-то огромное
На верхушке сосны лежало.

Но высвободилась Мерица
Из ветвей дерева,
Выхватила она острый нож,
Перерезала веревки
И, с надеждой во взоре
Осмотрела гору лесистую.

Соскльзнула, спустилась...

Что стало с "Родиной"?

Мекушку горн обоняла

Гонялась эг одной мыслью:

Сел без эварии

Самолет, или нет?

Но, кроме звука ветра,

Ничего не слышно,

Не видно также ничего.

Только туман ползет,

Вловно небо развевает

Огромную шнель.

Вокруг, сосны, ели...

Шипы зеленого подлеска,

Острые и царапающие,

Женщине мешают ходить...

Солнечный свет редостный

Увидит ли вновь она?

Лес не был ей привычен.

Остановились, прислушиваясь...

Там и сям деревья неклоняли

Сгнившие стволы.

Земля была мокрая

И покрыта хвоей.

Соскульнула, спустилась...

Что стало с "Родиной"?

Макушку горы обошла

Гоняясь за одной мыслью:

Сел без аварии

Самолет, или нет?

Но, кроме звука ветра,

Ничего не слышно,

Не видно также ничего.

Только туман ползет,

Словно небо развевает

Огромную шинель.

Вокруг, сосны, ели...

Иголки зеленого подлеска,

Острые и царапающие,

Женщине мешают ходить...

Солнечный свет радостный

Увидит ли вновь она?

Лес не был ей привычен.

Остановились, прислушиваясь...

Тем и сям деревья не клоняли

Сгнившие стволы.

Земля была мокрая

И покрыта хвоей.

Неожиданно донесся
Далекий звук выстрела, -
Один, другой, третий...
Значит они живы!
Она безмерно рада, -
Сестер найдет сегодня же!
Выстрелом ответила,
Быстро румб отметила
По направлению к ним.
Не знает, что спутало
Разнесенное ветром
Эке курс совершенно.

Спустилась по склону горы,
Идет с надеждой.
Предполагает путь почти
целиком пройденным.
Дает выстрел. Ответа
больше не слышала она...

Окропленная росой,
Держит в руке финский нож,
Как беглый эбрек
В зарослях прабирается...
А курс меняется
Совершенно другим направлением.

Спустилась ночь. С темнело.
Продвигаться стало труднее.
Легла. Скоро сон
Успокоил ее
Изнуренную
Хождением без дорог...

Под елью спала
Ничего под ней не было устлано,
Ничем не была укрыта
Вздрагнула. Какою то шум,
Чуждый, необычный,
Донесся до нее...

Открыла глаза
Не остроила слух...
Чернела непроницаемо
Глухая ночь,
Словно тьма небес
Целиком туда хлынула.

Сидела безмолвная,
Прижавшись к ели,
Словно примертвевшая.
Где спала? Где находилась?
Была ко всему готова,
Заблуждение свое угадав.

Рассвет или нет?
Осторожно скользнул,
Сверкая глазами
Зверь в черной мгле.
Шумели в овраге
Ворчливые медведи.

-:+++-

Растаяли дни...
Все - туман и деревья -
Не кончается тайга.
Борется женщине,
Все направленья лгут,
Не может выбраться.
Их след вовсе
Утерян уже,
И, хотя день каждый
Победе подготавливается,
ночью осуществляется вновь
Татьянин сон...

Что видит она днем?
Сидится на ветку иногда
Вз"ерошенный зяблик,
Утопает в тучах орел,
Медведь, приподнявшийся зияя как человек,
Показывает белый подмышник.

Сторожит ее каждую ночь
Этот обитатель тайги
В коричневой шубе.
Ничего близко не подпускает.
Достаточно было бы на девять крепостных ворот
Одного такого караульщика.

Осторожно ступая лапами,
Ходит вокруг нее, подражая, ночами.
Полюбился ему штурман,
Изменилась его натура
Издали бурчит ей что-то,
Как Этери Мурман.

Она долго несла
Кусочек маленький
Шоколадной плитки.
Другого же ничего не было есть,
Питалась плодами только,
Дикими кислыми плодами.

Худела, таяла,
Уста сжимались,
Девять дней не смеявшись.
Огорчала ее ночь,
Хотя все невзгоды
Забывала во сне.

Преследовала ее горестная мысль,
Терзало ей сердце обстановка
С трогое однообразие...

В тот день она долго шла,

Преследовала ее горестная мысль,
Терзало ей сердце обстановка
С трогое однообразие...

В тот день она долго шла,
Как рана леса,
Открылась перед ней ущелье.

Впереди показывалась трава,
Узко тянулася
Болотистый дуг.

Идет она выпрямившись,
Немного развлеченная
Новым видом.

Трудно ей пробираться по топи...
Была пронизана, как жилами,
Почва ручейками
В некоторых местах, словно коже,
Перекрты зеленью
Темные впадины земли.

То обветренных кочек
Чуть касается ногой,
То по пояс проваливается...

Стреждет мастер полета:
Почувствовала спасения
Полную невозможность.

Продвигаться стало невозможно,
К тому же нельзя
И повернуть назад.
Целенами серого тумана
И тенью вечера
Омрачена природа.

По сторонам тянутся холмы,
Верхеми могучих елей
Зарубленные, -
Чудовищные зубы
Ужасного рта!

Значит здесь точка...
Была у ней под ногами
Одна пядь твердой земли.
Стала смотреть на небо...
Скоро покроется она
Черной ночи каракулем.

Голову медленно опускала.
Знает: неверно старалась
Все ее страна,
Чтобы несчастную летчицу,
Где-то в лесу страдающую
На солнечный свет вывести.

Неверно, поиски продолжаются,
Далеко по земле разносится
Ее скромное имя.
Многие должно быть вылетели,
Но не нашлось такого,
Кто бы ее обнаружил.

Воспитанная труженицей,
Она без устали
И на добро работала.
Что ее рани,
Если сердца миллионов
Горели чувствами к ней?

Пусть останется для других,
Для их побед,
Ее бесстрашный полет,
Как боевое знамя...
Всем горячий привет,
Всем глубокая благодарность..

Обвела перед собой взор
И заметила: маленький
Червяк у ноги двигался.
Мешала травке,
То туда, то сюда
Медленно изгибался.

Самозабвенно и непринужденно
Их он окутывала собою.

Подобно растению посеженному,
Она, побледневшая,
Утро во гретиле десятое
Увидела: пучок лучей,
Так желаемых,
На верхушке ели мерцает.

Горы сдирают с себя туман...
Значит светом побеждена
Темнота ночи,
Рядуется новому знаку:
Послышалось ей сверху
Знакомое гудение

Звук полета самолета,
В знак ее обнаружения
Он делал над ней круги,
И бессловесны языком -
Прямым полетом
Правильное направление указывая.

Грудь ее поднялась дыханьем,
И по указанному курсу,
С привычной смелостью,
Направилась облегченная.
Утром казалось слегка
Затвердевшим болото.

И в этом теле есть сила,
Достаточно у него
И изворотливости.
Препятствия преодолевает
Слабое сознание -
Беспомощное существо.

Тонкий, как нитка,
И несложный организм,
Холодный и бесцветный,
Из жидкой протоплазмы,
Из тьмы времен,
Наверх поднимавшийся.

А над ним женское
Возвышается тело,
В борьбе отличившееся.
Пройдя стадии последующие,
Оно возглавило
Высокую лестницу тверей.

-:-:-:-

Так задумавшись
В холодном болоте, страдая,
Стояла она, как цапля.
Пронизывающая и колющая,
Совершенно непроницаемая
Игла окутывала ее.

Шла и шла...
Женщина, не сталь,
Переносила это.
От утомления задыхалась.
По краю болота или
Опять леса и холмы.

Снимает грязь с себя.
Еще немного и
Изменит ей хребное сердце.
Не могла нигде присесть на миг...
Вдруг перед ней показалось
Что-то сверкающее.

Это крылья "Родины",
К болоту прильнула
Гигантская стрекоза.
Видит все ее члести
И не может оторвать глаз:
Там же две женщины.

Как острый меч,
Зов Осипенко
Рассекл молчание лесов:
Увидели! Бегут,
Словно летят две орлицы...
Число это превратилось в три!

Все много выстрадали,
Но в радость обрелись
Горе им испытанное.
Глаза их горели огнем,
За то, что рекорд женский
Был ими побит.

Лавинами цветов

✓ Не помощь им спускается
много перелетов...
Одно было желание,
Жажда победы,
Стремление упорное.

П И Р

Сверкает хрусталь, ножи отбрасывают лучи,
Янтарным отблеском в бокалах мерцает вино.
Лампа горит у нас на круглом столе, и бабочки
Трепеща крылышками, носятся вокруг раскаленного стекла.

Вызывает в маленьких существах большое удивление
В ^{открытое} непроницаемый круг заключенное желтое пламя,
И как они могут знать, какая беседа, какие мечты,
Сомкнули за ними свой круг!

Время от времени поднимается рука тамады,
И произносится тост изысканной речью.
Словно на синем небе появляется хоровод звезд,
Так наполняется весельем наш дружеский пир.

Упомянули мы своих предков, воздали хвалу лозе виноградной,
В прекрасных словах превозносятся слава родины.
Почует кто-нибудь — откроют нежные улыбки
Жемчужные ряды зубов женщин (красавиц).

Все выше и выше стремится восторг по волшебной лестнице,
С неба похищаем трепет феерического света,
Весь мир облачается в лучистую парчу,
И души наши в миражах мигутся.

Я устал, и другие меньше пьют,
Еле дышат также и бабочки с опаленными крыльями...
К открытым окнам подступила снаружи ночь,
Должно быть сама заключенная в круг иной стихии.

ПРЕИСТОРИЯ

Бескрайная, непроходимая дебрь.

Зубовный окрежет и яростных зверей дуэль.

Был тубал, мосиник и карду,—

Обломки твоего сказочного величия.

Ты тысячелетьями ходила из ночи в ночь—

Сколько стонув и сколько боли ягучей!

Над тобой сияли ужасающая полная луна

И звезды в световарных накидках.

Кровно истекали шипами израненные нэри,

Обильными слезами орашала ты сухую землю;

Все же, брызжущие из миллионов глаз лучи

Ты возвращала назад небесным высотам.

Ты изучила там огненные следы светил,

Их воспламенение и угасание их,

Чтобы вслед за твоими астрологами путем астральным

Пришли бы Коперник и Галилей.

Когда вокруг племени сходились в схватке яростной,

Когда враг посылал на твою голову самум,

К Ашурбаниралу посылала ты горделивых гонцов

И к великому Соломону нахмуренных послан коммерции.

Мучила жажда тебя. Все леса земли

Словно вырвались с корнями и превратились в космически
пожар.

Ты упала ниц с пересохшим горлом, с лицом помертвелым

И крикнула пожелтевшему идолу: о ты, безвредный бог!

М А Т Ь

Две ночи, как закрыли перед нею все щели
И луч света не проникает через карниз.
Безумствует мать, что не может помочь голодным детенышам,
Ищет лазейки и с остервенением грызет сухую доску.

Острые зубки вряд ли ей тут помогут, -
В иных местах железо торчит, в других - стекло.
Но с надеждой пищат, смотря на нее, маленькие,
Верят, беспомощные, что их мать непобедима.

О, через какие битвы прошла она, через какие страдания!
Продолжает род свой со слепым увлечением.
Вот и теперь каепльки пота мчат ее шейку,
Кусочками дерева, сухой землей наполняется ее рот.

В конце концов и это сражение увенчалось победой
И через узкую щель протиснулось тельце мышки.
На минуту остановилась, присмотрелась к подметенному полу,
Потом с нетерпением бежала всю площадь.

Вдруг в углу заметила маленькую дощечку
И жадно вперила глаза в кусочек мяса на ней...
О, ужас! повернула назад смущенно
И снова к своей норке побежала быстро.

Там она услышала писк... Вновь возвратилась.
Подшла. В другое время жажда жизни ее остановила бы.
Теперь же осторожно смерти коснулась зубками
И... вмиг проволочка молниеносно скользнула / спустилась/.

С какой силой ударила в голову эта молния!
Зато все страдания кончились вместе с этим...
Утром с чувством омерзения выбросили маленькое тельце,
Потом стыскали и закрыли новую щель.

КОНСТАНТИН ЧИЧИНАДЗЕ

ЮНАЯ ХОЗЯЙКА В ГОРАХ

Путник неустанный, скиталец вечный,
Я? в ожидании необычайных явлений,
Когда мне надседает жизнь на равнине,
Так просто приезжаю в горы.

Быть может рука судьбы
Водит меня из края в край.
Удивительно, что ты не осталась неведомою мне,
Когда мир до такой степени обширен.

Кто представит себе: какая армия -
Сколько лиц, сколько змей / в мире /!

Но случайно к кому только не забредет
Запутанной жизнь путь!

Вот дворик, обожженный солнцем,
В оправах цветущих деревьев -
И домик твой, скрытый в них,
Подобно гнездышку зяблика.

Хотя ты и на крыльях мечты носишься,
Хата твоя жизнь и впереди,
Все же, вместо матери, ухаживаешь за сиротками малыми,
Постоянно работая и улыбаясь.

Сегодня, когда заходило за гору
Солнце, разбрасывая снопы лучей,
Ты повстречалась со мной у калитки эгорда,
Чарядная и вавилизованная.

Догадался я, почему ты покраснела:
Ты всю ночь сидела за шитьем,
Чтобы бейши комбинезоном могла бы
Кокетливо прикрыть девичью грудь.

На высокие, покатые поля
Взметнулись жирафами вечерние тени,
Чтобы одеть их сперва в сумрак ночи,
А затем вновь стываться на утро.

И ты склонилась над большой деревянной миской,
Когда усталый отец вернулся домой /с полевых работ/,
Ручкой играя, обсыпала ты
Зеленую фасоль душистыми приправами.

Словно повод /которыми я себя сдерживал/ порвались
в моих руках

И меня, угрюмого, бесшумно одолевает
Твоей жизни эта простота,
Твоя несложная радость!

Вот, загнал месяц в глубокий овраг
Ночную темноту и горечь,
Показавшись на перевале,
Словно Гардаякешан после боя.

Ты сестренку /плачущую/ успокаиваешь, по-детски лепеча,
Я же загораюсь знакомым огнем,
Удивляясь солнечной эклиптике

Небо играет белыми рублями,
Небо разбрасывает пуговицы огнистые,
И молнией светят мне в глаза
Твоя белые крепкие зубы.

ЮНАЯ ХОЗЯЙКА В ГОРАХ

Путник неустанный, скиталец вечный,
 Я, в ожидании необычайных явлений,
 Когда мне надоедает жизнь на равнине,
 Так просто приезжаю в горы.

Быть может рука судьбы
 Водит меня из края в край.
 Удивительно, что ты не осталась неведомой мне,
 Когда мир до такой степени обширен.

Кто представит себе: какая армия —
 Сколько лиц, сколько очей /в мире/!
 Но случайно к кому только не забредет
 Запутанной жизни путь!

Вот дворик, обожженный солнцем,
 В оправе цветущих деревьев —
 И домик твой, скрытый в них,
 Подобно гнездышку зяблика.

Хотя ты и на крыльях мечты носишься,
 Хотя твоя жизнь и впереди,
 Все же, вместо матери, ухаживаешь за сиротками малыми,
 Постоянно работая и улыбаясь.

Сегодня, когда заходило за гору
 Солнце, разбрасывая снопы лучей,
 Ты подстречалась со мной у калитки огорода,
 Нарядная и взволнованная.

На высокие, покатые поля
Взметнулись жирафами вечерние тени,
Чтобы одеть их сперва в сумрак ночи,
А затем вновь отвязаться на утро.

И ты склонилась над большой деревянной миской,
Когда усталый отец вернулся домой /с полевых работ/,
Ручной играя, обсыпала ты
Зеленую фасоль душистыми приправами.

Словно повод /которыми я себя сдерживал/порвались в моих
руках
И меня, угрюмого, бесшумно одолевает
Твоей жизни эта простота,
Твоя несложная радость!

Вот, загнал месяц в глубокий овраг
Ночную темноту и горечь,
Показавшись на перевале,
Словно Гарданкелан после боя.

Ты сестренку /плачущую/ успоаиваешь, по-детски лепеча,
Я же загораюсь зп номым огнем,
Удивляясь солнечной эклиптике
И орнаментам задняка.

Небо играет белыми рублями,
Небо разбрасывает пуговицы огнистые,
И молнией светят мне в глаза
Твои белые крепкие зубы.

Т Б И Л И С И

Твой возраст - это не шутка:

Таяли века, словно снег, на твоих плечах.

Каменная глыба - и та

За такой срочився рассыпалась бы /в прах/.

Оставим смерть, -

Как ты спасся от старости?

Дерево, известь и камни - другим материалом

Не мог же тебя построить Горгасал,

Что другое могло быть у иберов?

Сколько раз врагами ты бывал разграблен:

Нападали на тебя персы, византийцы,

Иногда наши же суровые горцы -

И рушилась, с трудом обведенная,

Твоя ограда.

Не смирялся все же ты, - храбрый воин.

Вдруг, когда ты изнывал от усталости,

Подкатывался к тебе, чтобы тебя проглотить,

Со своими ханами, нойнами, султанами,

С бешенством, злобой, хитростью, подвохами

Голодной Азии огромный живот.

Все же не падал, все же держался ты.

Любитель пиров, мог и горести сносить;

Одним против десяти сражался ты геройски.

Сколько Вахтангов,

Сколько Давидов,

Т Б И Л И С И

Твой возраст — это не шутка:

Таяли века, словно снег, на твоих плечах.

Каменная глыба — и та

За такой ссохнётся рассыпалась бы /в прах/.

Оставим смерть, —

Как ты спасся от старости?

Дерево, известь и камни — другим материалом

Не мог же тебя построить Горгасал,

Что другое могло быть у иберов?

Сколько раз врагами ты бывал разграблен:

Нападали на тебя персы, византийцы,

Иногда наши же суровые горцы —

И рушилась, с трудом обведенная,

Твоя ограда.

Не смирялся все же ты, — храбрый воин.

Вдруг, когда ты изнывал от усталости,

Поднятывался к тебе, чтобы тебя проглотить,

Со своими ханами, ханшами, султанами,

С бешенством, злобой, хитростью, подвохами

Голодной Азии огромный живот.

Все же не падал, все же держался ты.

Любитель пиров, мог и горести сносить;

Одним против десяти сражался ты геройски.

Сколько Вахтангов,

Сколько Давидов,

Взм

КОНСТАНТИН ЧИЧИНАДЗЕ

ШОТА РУСТАВЕЛИ

/ О д а /

87

Нарушили мы твою дремьту:
 Чествовали тебя, как только могли.
 Много пришло друзей из близких и далеких мест,
 Щедро проявляющих свою любовь и привязанность.
 Ведь ты не смог развернуть свои мысли в тесных границах,
 Теперь арена для них стала громадной.
 Твой оруженосец, преданный тебе слугитель,
 Чтобы выполнить перед тобой высший долг,
 Всюду бываю я в великой, героической стране,
 Где дружба для народов является и дорогой и мостом...
 Где только не показался сверкающий молнией след:
 Куда только ты не пришел, и твой портрет где только не
 видит!

друбой
 С ~~друбой~~ на плечах, статный,
 Ты устремил вперед ясный и спокойный взор.
 Рудеешь сам, что проявил великую храбрость.
 Что не сократилось, не раздробилось у тебя слово ~~кавказь-~~
грузинское, аге.
 Слово алмазное, слово твое - стрела быстрая,
 Слово - вознесенный в солнечном свете меч,
 Острее копьё и бальзам для раненого сердца...
 Твои слова - трепетная стая куропаток,
 Цепь неразрывная из жемчуга и бадахшанских рубинов,
 Родник, сияющий стократной радостью!...
 Блестящий, ослепительный гений,

Исцелитель недугов, утешитель судьбой обездоленных,
Ты для поэзии, дружбы и любви
Нерушимые законы установил!

Кто может сравниться с тобой, походить на тебя?
Родится ли когда-нибудь стихозворец, равный тебе?

Ты поднял голову и попросил у неба силы.

Великое сердце было даровано тебе и искусство.

В сталь превратившись, запрудил ты в себе море волн,

Выпросил разрешение и после этого

Сел/писать/, Рукавела, высокий и высоко взирающий.

Была причина для проливания слез,

Но перед роком ты все же не склонялся.

Золото мерцало сквозь разорванный покров ночи

И унеслась туда, как символ смелости,

Твоя мечта - лебедь хлопково-белый.

Путь, в лазурные глубины потонувший,

В зигзагах светящих и бесконечно длинный...

Подобно ладони, открылся перед тобой широкий мир -

Ковер чудесный - не острая хатайская ткань.

Очаровывали взор, мелькая внизу,

Высокие горы, реки, степи,

Красивые города, волны морские...

Увлеченный мечтатель и провидец,

Ты побывал везде и отворил все двери.

Прыжкам тигра пересек ты мертвую пустыню,

Боролся с землей, несомый на крыльях орла,

Нашей героев, львам подобных,

И дев, звездам уподобившимся.

89

Слезы лились у тебя, будил, как колокол,
Равнину Мулганзара твой звучный голос.
Со стоном пел и заставил трепетать камни.
Ты, обнажив голову, сообщил небесным светилам
Жалобу и горе обездоленного человека.

Устал ты думать. Слишком долго носился по миру,
Вечно пылая, тяжелую скорбь питал ты в душе.
Сердце свое упорное шипами изранил ты
И в конце концов все же обрел ты чудесную розу,
Распространяющую неосыкаемый аромат,
Залог твоего величия и бессмертия -
Солнечными листами сложенную книгу.
Книгу мудрости, высших мыслей сеть,
Неограниченных желаний пышущее пламя,
Книгу, пронесенную через бури борьбы,
Окрапленную слезами многих поколений.
Что блеска не могли века затуманить,
Сама она догнала великое волнение века,
И на небо Грузии снова мечут молнии
Обнаженные в улыбках зубы ее героев!

გეგრაფიკული მდებარეობის სურათი
რუბრიკის განლაგება ასიმეტრიულია.

სურათი

სამოგავსეების მნიშვნელობა რუბრიკისთვის:
რაყ სი მუხედვო, ვიჯემეტ უგობა მენი.
ბებრი მოვიდა ახიობემ და შორემი
სიხვარუმე და თანაგრძობის უმუხვო მენი.

Орел.

Пролетел над Цахисцхалом, над склоном
 Тарем;
 Молнией мигнул зев по земной ниве.
 Изогнув крыло, грудью ударился о
 Фелити фелит,
 И затрещал растерзанный шидок.

Севлакиваотел Тумоани Лабрах
 и Сакерид.

Настытившись на родные горы
 смотрит он,
 И пламенно, как в красной золе
 разорвавшийся гимомит,
 Опускающийся за горой солнце в его
 краваому плоту пришиго.

Взлетел медленно. И девятый удар
 стирам
 Когда загнул с последним землем,
 Он, повернувшись, выпрямился с распростертыми
 И, как дуплан, пролезал сине ^{крыльями} дали.
 Размер ~~правильный~~ ^о ридити покрест и отос

КАКИЕ-ТО ЛИЦА

Июя дорогая! В вечной любви
 Не клянусь тебе, — может быть удивлена
 И жар моего чувства
 Из-за этого не имеет ценности для тебя?

О, если б ты знала, на такую клятву
 Какими глазами смотрит старая могила,
 Тогда ты догадалась бы, как жжет мое сердце
 Горечь тяжелого предчувствия.

Знаю, пройдет много черных дней,
 Солнечных дней также пройдет много,
 И разойдутся в разные стороны
 Наши дороги и жизни наши.

Я пойду своим путем... И снова так же
 Пройдет долгое время, множество дней
 И меня заставят постепенно забыть
 Твой дорогой образ какие-то лица.

Какие-то... Кто они будут?
 Какова будет их внешность? — Я не знаю их
 И глубокую ненависть в сердце теперь
 Молча ношу по отношению к ним.

Но они на пути жизни
 С чарующими улыбками встретят меня,
 Дружески протянут мне руки
 И станут моими спутниками.

И все, что теперь я люблю, чему преклоняюсь,
Мечной украшенную святыню мою,
Какие-то лица ногами растопчут,
Какие-то лица оторвут от моего сердца!...

Забуду я твою улыбку,
Нарисованные брови твои,
И привыкнет к другим душа,
Тоску и печаль проявляя скрытно...

Наступит последний момент, -
Принесет он мне полный покой, -
Может быть нежданно тогда
Я захочу /возжаждаю/ тебя увидеть?

Быть может в прошлое
Брошу я стрелу своего взора,
Чтобы вспомнить забытый
Сон юности сладостный?

Но не смогу: и тогда,
Как высокие тополи,
Перед моим потухающим взором
Вытянутся вереницей какие-то лица...

Наполнясь водами, потягиваясь, хлопья
Грозовых облаков ты поднял до небес
И, бревна на груди расположив, как копья,
Ты закричал горам, чтоб дали путь тебе.
Навстречу Сакаур ревет, готов к борьбе,
Гарула голосит, все нивы затопила,
Все мельницы снесла, и нет преграды ей, -
Сдаст тебе от них все доски и стропила,
Гордясь богатую добычею своею.
Теперь готов и ты к решительному бою!
Нарзаны ржавые слились в одно с тобой,
Разнес плотины все и правой стороною
На мост Онийский ты рванулся храбро в бой.
Большой победой он неожиданно увенчался:
Надолго берега теперь раз"единив,
Мост с грозным грохотом и дико завопив,
От берегов, водной размытых, оторвался.
Тут вкрадчивый Джоджор с хвалой к тебе подкрался:
С победою тебя поздравил боевой,
Волн натиск похвалил, мощь дикого разгула
И доложил тебе: "Готовится Кведрула
Студеною водой бассейн наполнить твой."
Ты словно бороной прошел полями Сори,
Каменногрудая, двухбашенной горой
Встающая, с тобой вступает в бой Скодора,
Но враг и здесь тотчас проигрывает бой.
В разведку полетел орел с утесов Цесских
И осмотрел с высот тебе подвластный край.

Летит к тебе Лухун, как бешеный бугай,
Любимый твой вассал, весь в белопенном блеске.
О, не в чем упрекнуть отважного героя!
Теперь же заслужил награду он стократ:
Урави, Коретул, богатства взяв с собою,
Все бревна и столбы, стропила всех построек,
К тебе его валы стремительные мчат.

Дрожат высокие порталы Баракона,
Ночь внемлет грохоту, от страха обомлев,
Вот усыпальницы раскрылся темный зев,
Сверкает блеск мечей, внезапно обнаженных, -
Выводят сновья из тьмы Ростомы к свету.
Должно быть вновь на них напал коварный царь, -
Надели на отца железный шлем, как встарь,
И кремни пробуют на добрых пистолетах.
О, Соломон! Теперь осечки не случится...
Ты многое, Рион, припомнил бы сейчас, -
Тамар и Кахабер бывали тут не раз,
Но время ли тебе сейчас в прошедшем рыться?!

Готов и Хидикар, чтоб встретиться с тобою!
Ты ринулся, - и там, где зимнею порою,
Спокойно погружась в больное забытье,
Ты бирюзовыми пленял глаза шелкам, -
Вновь устремился в бой, круша скалистый камень,
Но с Велиет в тебя, дракон, взмахнув руками,
Победоносец вдруг вонзил свое копье.
Зверь серый, страшный зверь, ты, словно на-смерть ранен,
Прорвался, сгорбившись, меж мостовых быков.

Он затопил дуга, прошел поля насквозь,
Несет стволы дерев и утонувших сванов
С мешками, сшитыми из кожи диких коз.
Всплыла Мегрелия, - воды напор неистов.
Абаш, Техур, - кому теперь их нужен пыл?...
И Поти в ужасе, тебя узрев, застыл,
Но вожделенная вот пред тобою пристань, -
С иными чувствами в ее ты воды врос.
Когда ж баржей и шун все скопище разнес,
Собравшись ~~здесь~~ ^{здесь} со всех концов вселенной,
Марсельские суда ты попросил смиренно,
Когда они потом на дальний выйдут плес,
Снести привет морям и руслам рек далеких,
Луаре царственной и Роне передать,
Чтоб ни одна в руке не смела отказать
Тебе, как рыцарю без страха и упрека!

Перевел с грузинского

БОРИС СЕРЕБРЯКОВ

Примечания:

Фазис - так называли Рион древние греки.

Изон - согласно мифу, прибыл на корабле "Арго" к устью Риона, в Колхиде, откуда похитил золотое руно при содействии царевны Медеи, ставшей его женой.

Глола - местность.

Сакаура, Гарула, Кведрула, Джеджор, Лухун, Аск, Рицеула, Шаор, Цитела, Крихула, Квирила, Цхенисцхал, Абаш, Техур - притоки Риона.

Скодора, Хидикар - ущелья.

Велиет - мост на Рионе

Лекнар, Накерал, Нигонт, Зекар - горы.

Гаракон - древний храм на берегу Риона.

Ростом - владетельный князь, ослепленный по приказу Имеретинского царя Соломона I.

М А Т Ь

/Подстрочник/

Две ночи, как закрыли перед нею все щели
И луч света не проникает через карниз.
Безумствует мать, что не может помочь голодным детенышам,
Ищет лазейки и с остервенением грызет сухую доску.

Острые зубки вряд ли ей тут помогут, —
В иных местах железо торчит, в других — стекло.
Но с надеждой пищат, смотря на нее, маленькие,
Верят, беспомощные, что их мать непобедима.

О, через какие битвы прошла она, через какие страдания!
Продолжает род свой со слепым увлечением.
Вот и теперь капельки пота мочат ее шейку,
Кусочками дерева, сухой землей наполняется ее рот.

В конце концов и это сражение увенчалось победой
И через узкую щель протиснулось тельце мышки.
На минуту остановилась, присмотрелась к подметенному полу,
Потом с нетерпением обежала всю площадь.

Вдруг в углу заметила маленькую дощечку
И жадно вперила глаза в кусочек мяса на ней...
О, ужас! Повернула назад смущенно
И снова к своей норке побежала быстро.

Там она услышала писк... Вновь возвратилась.
Подошла. В другое время жажда жизни ее остановила бы.
Теперь же осторожно смерти коснулась зубами
И... вмиг проволока молниеносно скользнула /опустилась/.

С какой силой ударила в голову эта молния!
Зато все страдания кончились вместе с этим...
Утром с чувством омерзения выбросили маленькое тельце,
Потом отыскали и закрыли новую щель.

М А Т Ъ

/Подстрочник/

Две ночи, как закрыли перед нею все щели
 И луч света не проникает через карниз.
 Безумствует мать, что не может помочь голодным детенышам,
 Ищет лазейки и с остервенением грызет сухую доску.

Острые зубки вряд ли ей тут помогут, —
 В иных местах железо торчит, в других — стекло.
 Но с надеждой пищат, смотря на нее, маленькие,
 Верят, беспомощные, что их мать непобедима.

О, через какие битвы прошла она, через какие страдания!
 Продолжает род свой со слепым увлечением.
 Вот и теперь капельки пота мочат ее шейку,
 Кусочками дерева, сухой землей наполняется ее рот.

В конце концов и это сражение увенчалось победой
 И через узкую щель протиснулось тельце мышки.
 На минуту остановилась, присмотрелась к подметенному полу,
 Потом с нетерпением обежала всю площадь.

Вдруг в углу заметила маленькую дощечку
 И жадно вперила глаза в кусочек мяса на ней...
 О, ужас! Повернула назад смущенно
 И снова к своей норке побежала быстро.

Там она услышала писк... Вновь возвратилась.
 Подошла. В другое время жадна жизни ее остановила бы.
 Теперь же осторожно смерти коснулась зубками
 И... вмиг проволока молниеносно скользнула /опустилась/.

С какой силой ударила в голову эта молния!
 Зато все страдания кончились вместе с этим...
 Утром с чувством омерзения выбросили маленькое тельце,
 Потом отыскали и закрыли новую щель.

КОНСТАНТИН ЧИЧИНАДЗЕ

(подстрочники)

В К О Л Ь Ц Е

І. О П О Л Ч Е Н Е Ц

Овладели им две страсти,
И не желал он от них освободиться:
Наука, как огонь жизни,
И охота, как развлечение.

Но жажда к научной работе
Неожиданно угасла в нем,
Когда грянула война
И хлынуло (на нас) море германцев.

Ширь земли родной
Но раз он мерил на карте взором:
Победит мощный славянский дух,
Или же спесь тевтонская?

После, когда к любимому порогу
Приблизилась опасность,
Он пошел в лагерь защитников
И словно сросся с пулеметом.

Надвигается в сталь одетая грудь,
А с этой стороны встала крепкая стена,-
Исход тысячелетней борьбы
Не останется теперь не решенным.

В воздухе дым стелется черный,
Падают комья земли на него.
Чувствует: ни врагу, ни ему
Не вернуться домой никогда.

Встают иногда перед ним
Образы матери и маленького сына,
Вздрыбленный монумент всадника,
И блеск Эрмитажа.

Не удивился, не взволновался,
Когда попала пуля в его грудь.
Лежа навзнич, открывал он глаза,
Но небо заметил, спустя долгое время.

Облачный водоворот нависал с высоты,
И в нем он еле уловил взором:
С волнами боролся его пес,
Чтобы вынести оттуда убитую утку.

2. ЕГО СЕМЬЯ

Исх удавшая, с опущенной головой
Горюет старуха:
Голод и враг
Окружили город.

Не помогло осторожное расходование
Малых запасов.
Соседи вокруг поредели,
Кому жаловаться о несчастье?

Холодно. Балтика
Еще усилит ветры.
Внук больше не слушает
Ее стихов и сказок.

Ходит мальчик бледный,
С печальным лицом.
Горе ей, если у сына-воина
Здесь она погубит сына!

Ему уделяет она половину
Своих малых граммов;
Ей-то ничего, она
И так дотянет до ночи.

Под одеялом же от мальчика
Легче скрыть слезы.
Потом задремлет и соберет
Во сне новые силы.

Полюбил и ребенок ночь,
Спит в перинах мягко.
На постаревшей груди бабушки
Оказывается еще тепло!

В эту ночь-то очень холодно,
Мальчик не может согреться.
Хотя он к старухе
Крепко прижимается.

Держит он в об"ятках
Ее тонкую шею.
Жалуеться, но не слышит она,
Всегда чуткая во сне.

Тогда перетянулся он к лампе
И прибавил света.
Рассеялась, растворилась
В комнате тьма.

Когда он посмотрел, странным ему показалось

Ее сморщенное лицо.

Вздрагнул ребенок, бросился к двери,

Но дверь не открылась.

И не откроет, знает он хорошо,

И снова подбежал к постели.

Тормозит ее, старается согнуть ей руку,

Но она не согнулась.

Всматривается, чтобы заметить

След улыбки.

Насильно открывает ей глаз,

Но глаз снова закрывается.

Рукой почувствовал он

Лед сжатых уст.

Смотрит он вокруг

И громко плачет.

Он то к двери подбежит,

То возвращается назад.

На стене видны ружье,

Портрет и карта отца.

3. ЕГО ПЕС

Три месяца тому назад он был еще холеный,

Сеттер пылкий, проникующийся к следу птиц.

Потом что произошло, он не понял. Страшно голодный,

С омерзением лез он в ямы и сорные ящики.

Таскался он с мнимой надеждой от двери до двери,
Хромой, грязный, безрадостный.

На исхудавшей шее и левом плече
Парша погасила блеск черных пятен.

Наконец, он потерял способность бороться за жизнь.
Лежа на тряпье, дремлет он беспрерывно.
В беспомощной мысли рисуется ему причина,
Почему разгневался на него его хозяин. *(нагрохот)*

Это, должно быть, тогда: напал он (сеттер) на след
И медленно стал пробираться в кустах.
Все же потом заторопился, не сделал во время стойки
И преждевременно поднял огромного глухаря.

Нет, причина гнева вот эта:

Однажды во сне на него набросились две овчарки.
Вскочил он в темной комнате и, неожиданно
Поднял лай, разбудил утомленного (хозяина).

Где теперь он? Куда ушел? Что, если бы
Вдруг пришел он, любимый, теперь к нему?
Потрепал бы рукой, приласкал... Вскочил бы он
И, от радости, перебежал бы через замерзшую Неву.

Вдруг до его слуха донесся гром пушек.
О, это, должно быть, птица взлетела, серая, или черная!
На секунду зажглась в нем искра старой страсти,
А потом снова опустил он голову на худые лапы.

(подстрочники)

В К О Л Ь Ц Е

1. СПОЛЧЕНЕЦ

Овладели им две страсти,
И не желал он от них освободиться:
Наука, как огонь жизни,
И охота, как развлечение.

Но жажда к научной работе
Неожиданно угасла в нем.
Когда грянула война
И хлынуло (на нас) море германцев.

Ширь земли родной
Но раз он мерил на карте взором:
Победит мощный славянский дух,
Или же спесь тевтонская?

После, когда к любимому городу
Приблизилась опасность,
Он пошел в лагерь защитников
И словно сросся с пулеметом.

Надвигается в сталь одетая грудь,
А с этой стороны встала крепкая стена,-
Исход тысячелетней борьбы
Не останется теперь не решенным.

В воздухе дым стелется черный,
Падают комья земли на него.
Чувствует: ни врагу, ни ему
Не вернуться домой никогда.

Встают иногда перед ним
Образы матери и маленького сына,
Вздрыбленный монумент всадника,
И блеск Эрмитажа.

Не удивился, не взволновался,
Когда попала пуля в его грудь.
Лежа навзнич, открывал он глаза,
Но небо заметил, спустя долгое время.

Облачный водоворот нависал с высоты,
И в нем он еле уловил взором:
С волнами боролся его пес,
Чтобы вынести оттуда убитую ушшу.

2. ЕГО СЕМЬЯ

Исхудавшая, с опущенной головой

Горюет старуха:

Голод и враг

Окружили город.

Не помогло осторожное расходование

Малых запасов.

Соседи вокруг поредели,

Кому жаловаться о несчастьи?

Холодно. Балтика

Еще усилит ветры.

Внук больше не слушает

Ее стихов и сказок.

Ходит мальчик бледный,
С печальным лицом.
Горе ей, если у сына-воина
Здесь она погубит сына!

Ему уделяет она половину
Своих малых граммов;
И-то ничего, она
И так дотянет до ночи.

Под одеялом же от мальчика
Легче скрыть слезы.
Потом задремлет и соберет
Во сне новые силы.

Полюбил и ребенок ночь,
Спит в перинах мягко.
На постаревшей груди бабушки
Оказывается еще тепло!

В эту ночь-то очень холодно,
Мальчик не может согреться.
Хотя он к старухе
Крепко прижимается.

Держит он в об"ятках
Ее тонкую шею.
Жалуется, но не слышит она,
Всегда чуткая во сне.

Тогда перетянулся он к лампе
И прибавил света.
Рассеялась, растворилась
В комнате тьма.

Встают иногда перед ним
Образы матери и маленького сына,
Вздрыбленный монумент всадника,
И блеск Эрмитажа.

Не удивился, не взволновался,
Когда попала пуля в его грудь.
Лежа навзнич, открывал он глаза,
Но небо заметил, спустя долгое время.

Облачный водоворот нависал с высоты,
И в нем он еле уловил взором:
С волнами боролся его пес,
Чтобы вынести оттуда убитую утку.

2. ЕГО СЕМЬЯ

Иск удавшая, с опущенной головой

Горюет старуха:

Голод и враг

Окружили город.

Не помогло осторожное расходование

Малых запасов.

Собеди вокруг поредели,

Кому жаловаться о несчастьи?

Холодно. Балтика

Еще усилит ветры.

Внук больше не слушает

Ее стихов и сказок.

Таскался он с мнимой надеждой от двери до двери,
Хромой, грязный, безрадостный.

На исхудавшей шее и левом плече
Парша погасила блеск черных пятен.

Наконец, он потерял способность бороться за жизнь.
Лежа на тряпье, дремлет он беспрерывно.
В беспомощной мысли рисуется ему причина,
Почему разгневался на него его хозяин.

Это, должно быть, тогда: напал он (сеутер) на след
И медленно стал пробираться в кустах.
Все же потом заторопился, не сделал во время стойки
И преждевременно поднял огромного глухаря.

Нет, причина гнева вот эта:
Однажды во сне на него набросились две овчарки.
Вскочил он в темной комнате и, неожиданно
Поднял лай, разбудил утомленного (хозяина).

Где теперь он? Куда ушел? Что, если бы
Вдруг пришел он, любимый, теперь к нему?
Потрепал бы рукой, приласкал... Вскочил бы он
И, от радости, перебежал бы через замерзшую Неву.

Вдруг до его слуха донесся гром пушек.
О, это, должно быть, птица взлетела, серая, или черная!
На секунду зажглась в нем искра старой страсти,
А потом снова опустил он голову на худые лапы.

Таскался он с мнимой надеждой от двери до двери,
Хромой, грязный, безрадостный.
На исхудавшей шее и левом плече
Парша погасила блеск черных пятен.

Наконец, он потерял способность бороться за жизнь.
Лежа на тряпье, дремлет он беспрерывно.
В беспомощной мысли рисуется ему причина,
Почему разгневался на него его хозяин.

Это должно быть, тогда: напал он (сестер) на след
И медленно стал пробираться в кустах.
Все же потом заторопился, не сделал ю время стойки
И преждевременно поднял огромного глухаря.

Нет, причина гнева вот эта:

Однажды во сне на него набросились две овчарки.
Вскочил он в темной комнате и, неожиданно
Поднял лай, разбудил утомленного (хозяина).

Где теперь он? Куда ушел? Что, если бы
Вдруг пришел он, любимый, теперь к нему?
Потрепал бы рукой, приласкал... Вскочил бы он
И, от радости, перебежал бы через замерзшую Неву.

Вдруг до его слуха донесся гром пушек.
О, это, должно быть, птица взлетела, серая, или черная!
На секунду зажглась в нем искра старой страсти,
А потом снова опустил он голову на худые лапы.

(подстрочники)

В. КОЛЬЦЕ

І. ОПОЛЧЕНЕЦ

Овладели им две страсти,
И не желал он от них освободиться:
Наука, как огонь жизни,
И охота, как развлечение.

Но жажда к научной работе
Неожиданно угасла в нем,
Когда грянула война
И хлынуло (на нас) море германцев.

Ширь земли родной
Но раз он мерил на карте взором:
Победит мощный славянский дух,
Или же спесь тевтонская?

После, когда к любимому городу
Приблизилась опасность,
Он пошел в лагерь защитников
И словно сросся с пулеметом.

Надвигается в сталь одетая грудь,
А с этой стороны встала крепкая стена, -
Исход тысячелетней борьбы
Не останется теперь не решенным.

В воздухе дым стелется черный,
Падают комья земли на него.
Чувствует: ни врагу, ни ему
Не вернуться домой никогда.

Когда он посмотрел, странным ему показалось

Ее сморщенное лицо.

Вздрыгнул ребенок, бросился к двери,

Но дверь не открылась.

И не откроет, знает он хорошо,

И снова подбежал к постели.

Тормозит ее, старается согнуть ей руку,

Но она не согнулась.

Всматривается, чтобы заметить

След улыбки.

Насильно открывает ей глаз,

Но глаз снова закрывается.

Рукой почувствовал он

Лед сжатых уст.

Смотрит он вокруг

И громко плачет.

Он то к двери подбежит,

То возвращается назад.

На стене видны ружье,

*П*ортрет и карта отца.

3. ЕГО ПЕС

Три месяца тому назад он был еще холеный,

Сеттер пылкий, ^и пр^инюхивающийся к следу птиц.

Потом что произошло, он не понял. Страшно голодный,

С омерзением лез он в ямы и сорные ящики.

Ходит мальчик бледный,
С печальным лицом.
Горе ей, если у сына-воина
Здесь она погубит сына!

Ему уделяет она половину
Своих малых граммов;
Ей-то ничего, она
И так дотянет до ночи.

Под одеялом же от мальчика
Легче скрыть слезы.
Потом задремлет и соберет
Во сне новые силы.

Полюбил и ребенок ночь,
Спит в перинах мягко.
На постаревшей груди бабушки
Оказывается еще тепло!

В эту ночь-то очень холодно,
Мальчик не может согреться.
Хотя он к старухе
Крепко прижимается.

Держит он в об"ятках
Ее тонкую шею.
Жалуетя, но не слышит она,
Всегда чуткая во сне.

Тогда перетянулся он к лампе
И прибавил света.
Рассеялась, растворилась
В комнате тьма.

Когда он посмотрел, странным ему показалось

Ее сморщенное лицо.

Вздрыгнув ребенок, бросился к двери,

Но дверь не открылась.

И не откроет, знает он хорошо,

И снова подбежал к постели.

Тормозит ее, старается согнуть ей руку,

Но она не согнулась.

Всматривается, чтобы заметить

След улыбки.

Насильно открывает ей глаз,

Но глаз снова закрывается.

Рукой почувствовал он

Лед скатых уст.

Смотрит он вокруг

И громко плачет.

Он то к двери подбежит,

То возвращается назад.

На стене видны ружье,

портрет и карта отца.

3. ЕГО ПЕС

Три месяца тому назад он был еще холеный,

Сеттер пылкий, приноживающийся к следу птиц.

Потом что произошло, он не понял. Страшно голодный,

С омерзением лез он в ямы и сорные ящики.

Баравон.

Опять предолгой роцные цветут горы
И вновь овладевает мной душевное волнение.
С востока ветер с распростертыми крыльями
К западу стирелится золотым потоком.

Как будто на барову встала гора переу
горой

В тени вшзу ~~подеет~~ ползет Рион, как
дракон

На свале грохочат лучи, и Баравон
Блестит, белозной, как в Зелени
присевший редеф.

Уре Цутхаро, нахмуренный, повдзывает
Бачлыком,

Бесильно поблескивают галекне зигзак
молний.

Взлетела стая голубей. Стрижи
треточею кружатся вокруг ефаров
вреностин.

14-слойный сине, ридрими оледсанни

ВСТРЕЧА

Я с глубоким вниманием посмотрел на тебя.
Как будто на кого-то была ты похожа.
Но, когда перед витриной ты остановилась —
Я в витрине узнал твое отражение.

Не помнил я тебя! Видно таково
Вращающееся колесо жизни:
Оно старую мечту в тень отодвинуло
Другими стремлениями и заботами.

Теперь неожиданно, словно Азалия,
Аромат струят прошлые годы:
Ты же та! — /которую я знал/ ученица
В фартуке и с заплетенными косами.

Я вспоминаю далекие утра,
Постоянные ветры с запада,
Уроки /учебниками/ подмышкой
И по тротуару твои быстрые шажки.

Сами сверкали твои глаза,
Когда ты электромашину разряжала пальцем
Память твою застилали вершины гор
И великие войны историй.

Если не знала ты, кто был,
Или когда умер царь Калита, —
Твоя улыбка раскрывалась
Сконфуженно, сверкая перлами.

Глубокая дума твоего сердца не ранила,
жизнь встретила ты с полной грудью.
И пьяный гений любви
Спокойно пошел рядом с тобой /бездумно последовал за тобой/.

Рука, сотворившая крестное знамение
Тихо затрепетала под жгучим поцелуем.
Что потом с тобой стало? Куда ты ушла?
И почему оставил он твою руку?

Ты тоже забыла мои оды.
Вот оно - вращающееся колесо жизни!
Кто узнает теперь, сколько оно
Создало тебе забот!

Какая усталость, какая тяжесть,
В замедленном биении пульса!
Как увяла твоя улыбка,
Словно метафора в старой поэме!
/Как будто метафора в старой поэме/.

10 сложный стих. Рифма накрест.

Твоя улыбка раскрывалась
 сконфузленно, сверчок перилли.

Турбован душа твоего сердца не рамила,
 Исуса встретила ты с полной грудью.
 И пьвший пеней любви
 Спокойно пошел рядом с тобой. (Бездумно ^{последовал} (за тобой))

Рука, сотворившая крестное знамение
 Тихо затрепетала под твоими поцелуем.
 Это потом с тобой стало? Куда ты ушла?
 И почему оставил он твою руку?

Ты тоже сабля мой оуб.
 Вот оно - вращающееся Колесо жизни!
 Кто узнает теперь, сколько оно
 Создало тебе сагов!

Какая чистота, какой ты есть
 В замеченном биеши твоего пульса!
 Как была твоя улыбка,
 Слово мейадора в ефарой поэме!

(Как будто мейадора в ефарой поэме!)

10-словенный стих, ритмичный текст.

Твоя улыбка раскрывалась
скоординированно, сверчок перилли.

Глубокой душой твоего сердца не рашила,
жизнь встретила ты с полной грудью.
И первый лений любви

спокойно пошел рядом с тобой. (Бездумно ^{последовал} (за тобой))

Рука, сотворившая крестное знамение
было затрещала по твоему плечу.
Что потом с тобой стало? Куда ты ушла?
И почему оставил он твою руку?

Ты тоже сабона мои оды.
Вот оно - вращающееся колесо жизни!
Кто узнает теперь, сколько оно
создал тебе сабот!

Какая чуждость, какой ты есть
в замеченном бытии твоего плеча!
Как улыбка твоя улыбка,
словно метафора в сарказме!

(Как будто метафора в сарказме!)

10-словный стих, ритмичный ритм.

О Р Е Л

Пролетел над Цхенисцхалом, над склоном Парели;
Молнией мчится тень по зеленой ниве.
Изогнув крылья, грудью ударился о желтый грунт,
И затрепетал растерзанный индюк.

Заволакиваются туманами Лабрах и Сакерия.
Насытившись, на родные горы смотрит он,
И пламенное, как в красной зоне разорвавшийся динамит,
Заходящее солнце к ее кровавому глазу пришито.

Взлетел медленно. И девятый круг спирали
Когда загнул с последним усилием.
Он, повернувшись, выпрямился с распростертыми крыльями
И, как биплан, прорезал синие дали.

-14 - сложный стих рифмы в 1 строфе накрест в остальных
двух - олоясанные

Цхенисцхали - р е к а

Парели, Лабрах, Сакерия - г о р ы.

О Р Е Л

Пролетел над Цхенисцхалэм, над склоном Парели;
Молнией мчится тень по зеленой ниве.
И загнув крылья, грудью ударился о желтый грунт,
И затрепетал растерзанный индюк.

Завлакиваются туманами Дабрах и Сакерия.
Насытившись, на родные горы смотрит он,
И пламенное, как в красной золе, разорвавшийся динамит,
заподвиге
~~Опускающееся~~ за горой солнце к его кровавому глазу при-
шито.

Взлетел медленно. И девятый круг спирали
Когда загнул с последним усилием.
Он, повернувшись, выпрямился с распростертыми крыльями
И, как бицлан, прорезал синие дали.

*14-სივსთამ⁷ სწრაფ რიგში ვ! სწორე ნაკრესი,
ვოგადვით დუხ - თოვსანისე.*

Цхенисцхал - река

Парели, Дабрах, Сакерия - горы.

ШОТА РУСТАВЕЛИ

/ода/

Нарушили мы твою дремоту:
Чествовали тебя, как только могли.
Много прибыло друзей из близких и далеких мест,
Щедро проявляющих свою любовь и привязанность.
Ведь ты не смог развернуть свои мысли в тесных границах,
Теперь арена для них стала громадной,
Твой оруженосец, преданный тебе служитель,
Чтобы выполнить перед тобой высокий долг,
Всюду бываю я в великой героической стране,
Где дружба для народов является и дорогой и мостом...
Где только не показался сверкающий молнией след:
Куда только ты не прошел и твой портрет где только не висит!

С дубом на плечах, статный
Ты устремился вперед ясный и спокойный взор
Радуюсь сам, что проявил великую храбрость:
Что не сократилось, не раздробилось у тебя слово картвельское.
Слово алмазное, слово твое — стрела быстрая,
Слово — взнесенный в солнечном свете меч,
Острое копьё и бальзам для раненного сердца...
Твои слова — трепетная стая куропаток.
Цепь неразрывная из жемчуга и бадахшанских рубинов
Родник сияющий стократной радости!
Блестящий, ослепительный гений.
Исцелитель недугов, утешитель судьбой обездоленных,
Ты для поэзии дружбы и любви
Нерушимые законы установил!

Кто может сравниться с тобой, походить на тебя?
Родится ли когданибудь стихотворец равный тебе?
Ты поднял голову и попросил у неба силы,
Великое сердце было даровано тебе не искусством.
В сталь превратившись, зашурди ты в себе море волн,
Выпросил разрешение и после этого
Сел /писать/, Руствели высокий и высоко взирающий,
Была причина для /лить слезы/ проливания слез,
Но перед роком ты все же не склонился .
Золото мерцало сквозь разорванный покров ночи
И унеслась туда, как символ смелости,
Твоя мечта - лебедь хлопково-белый.

Путь, в лазурные глубины потонувший,
В зигзагах светящихся и бесконечно длинный...
Подобно ладони, открылся перед тобой широкий мир -
Ковер чудесный - нестрия хатайская ткань.
Очаровали взор, мелькая внизу,
Высокие горы, реки, стены,
Красивые города, волны морские...
Увлеченный мечтатель и провидец,
Ты побывал везде и отворил все двери.
Прыжком тигра пересек ты мертвую пустыню,
Боролся с землей, несомый на крыльях орла,
Нашел героев, львам подобным.
И дев, звездам уподобившихся .
Слезы лились у тебя, будил, как колокол,
Равнину Сулганзара твой звучный голос
Со стоном шел и заставил трепетать камни.
Ты, обнажив голову, сообщил небесным светилам
Жалобу и горе обездоленного человека.

Устал ты думать. Слишком долго носился по миру.
Вечно пылая, тяжелую скорбь питал ты в душе.
Сердце твое, упорное, шинами изранил ты
И в конце концов все же обрел ты чудесную розу.
Розу не вянущую, рдеющую, как утренний рассвет,
Распространяющую неиссякаемый аромат,
Залог твоего величия и бессмертия -
Солнечными листьями сложенную книгу .
Книгу мудрости, вымоких мыслей сеть,
Неограниченных желаний пышущее пламя,
Книгу, пронесенную через бури борьбы,
Окропленную слезами многих поколений.
Ее блеска не могли века затуманить,
Сама она догнала великое волнение века,
И на небо Грузии снова мечут молнии
Обнаженные в улыбках зубы ее героев!

Размер: 14- сложный стих

Рифмы свободно /асимметрично/ расположены.

Мотта Густаву

(1999)

Карушили мы твоего дремоту;
 Зевсировали тебе, как только могли.
 Много пришло друзей из близких и
 далеких мест,
 Щедро проявляющих свою любовь и привя-
 занность.
 Ведь ты не смог растернуть свои мысли
 в тесных рамках,
 Теперь арена для них стала громадой.
 Птикой орудием, преданный тебе служитель,
 Чтобы вытолкнуть перед тобой высокий гор,
 Всюду бываю я в великой, героической стране,
 Где дружба для народов Молдавии и горной
 и мостом...
 Где только не показался сверкающий
 молнией след.
 Куда только ты не пришел и твой
 порыв где только не висит!

С дружбой на плечах, стабильный
 Ты устремил вперёд зенит и
 спокойный взор.
 Радуешься сам, что провидит великую
 Это не сократилось храбрость:
 Это не сократилось, не раздробилось
 у тебя слово карпатовское.
 Слово алмазное, слово твое - сфера добра,
 Слово - внесенный в сонном свете мед,
 Острый конь и бальзам для раненого
 сердца...
 Твои слова - трепетная сфера мушкетера,

Цент неразрывна из треугола и багачи
сних рублинов

Родник едвоиной створофной радості!
Блестящий, ослепительный гений
И целитель недугов, учитель едвоиной
~~ты для поэзии, дру~~ ^{обездоленный,}
ты для поэзии дружбы и любви
Нерушимые законы чужаков!

Что можешь еротишес с тобой, походить
на тебе?

Родится ли когда нибудь едикотворец,
равной тебе?

Ты поднял голову и попросил у неба силы,
Великое сердце было даровано тебе и поучено,
В сжал превратившись, закружил ты в себе
море воли,

Вопросил разрешение и после этого
Сел (мечать), Ручьем в высоком и внемом

Богла пригнул ^{для (лице слезы)} ^{взырающий,} ^{проливаний слез,}
Но перед роком ты все же не склонился,
Золото мерцало сквозь разорванный
покрыв ноги

И унеслась туда, как символ смелости,
Твой мечта - левый хлопчатый-белый,

Тут, в лазурные глыбы потонувший,
В зигзагах светящихся и безвременно глитный...
Подобно лагони, отарылся перед тобой
широкий мир -
Робер чудесный - нестраф Фагаислов
Ткань.

Очаровали взор, мельком ввысь,
 Выевшие горы, реки, степи,
 Красивые города, волны морские ...
 Увлеченный мечтатель и провидец,
 Ты похвалял везде и отворил все двери.
 Ты в чуждом тыгра пересек ты мертвую
 пустыню,

Богородица с землей, несомый на крыльях орла,
 Нашел героев, повсем подобным,
 И дров, звездам угодившихся.
 Слезы лились у твоей, будил, как колокол,
 Равнину Мулганзара твоей звучной гониме.
 Со стеною пел и застывал тиренефайе камни.
 Ты, обнажив голову, сообщил небесным
 светилам
 Неслобу и горе обездоленного человека.

Устал ты думать. Слишком долго
 носился по миру.
 Вечно тыла, твоя душа сгорела тыла
 ты в душе.
 Сердце стал, упорное, кипами изранено
 И в конце концов все же обрел ты
 чудесную розу.
 Розу не вянущую, рождающую, как
 утренний рассвет,
 Распространяющую неслезкаемый
 аромат,
 Залог твоею величьем и бессмертием —
 Солнечными металлами сложившую
 книгу.
 Книгу мудрости, вневских мыслей
 сеть,

Неограниченные желания пылущее пламя,
Книгу, пронесенную через бури борьбы,
Окропленную слезами многих поколений.
Ее слова не могут века заглушить,
Самы она догнала великое волнение
века,
И на лево кружит слова летят
Молнии
Обнаженные в чужих зубах ее
героев!

Размер: 14-линейный стиль

Фигурки свободно (асимметрично) располо-
жены

МНЯЯ ХОЗЯЙКА В ГОРАХ

Путник неустанный, скиталец вечный,
Я, в ожидании необычайных волнений,
Когда мне надоедает жизнь на равнине,
Так просто приезжаю в горы.

Быть может рука судьбы
Водит меня из края в край.
Удивительно, что ты не осталась неведомой мне,
Когда мир до такой степени обширен.

Кто представит себе: какая армия -
Сколько лиц, сколько очей /в мире/
Но случайно к кому только не забредет
Запутанной жизни путь!

Вот дворец, обожженный солнцем,
В оправе цветущих деревьев -
И домик твой, скрытый в них,
Подобно гнездышку зяблика.

Хотя ты и на крыльях мечты носишься,
Хотя твоя жизнь и впереди,
Все же, вместе матери, ухаживаешь за сиротками малыми,
Постоянно работая и улыбаясь.

Сегодня, когда заходило за гору
Солнце, разбрасывая снопы лучей,
Ты повстречалась со мной у калитки огорода,
Нарядная и взволнованная.

На высокие, покатые поля
Взметнулись жирафами вечерние тени,
Чтобы одеть их сперва в сумрак ночи,
А затем вновь отвязаться на утро.

И ты склонилась над большой деревянной миской,
Когда усталый отец вернулся домой / с полевых работ /,
Ручкой играя обсыпала ты
Зеленую фасоль душистыми приправами.

Словно повода /которыми я себя сдерживал/ порвались
в моих руках

И меня, угрюмого, бесшумно одолевает
Твоей жизни эта простота,
Твоя несложная радость!

Вот, загнал месяц в глубокий овраг
Ночную темноту и горечь,
Показавшись на перевале,
Словно гарданкешан после боя.

Ты сестренку/плачущую/ успокаиваешь, по-детски лепеча,
Я же зажигаюсь знакомым огнем,
Удивляюсь солнечной эклипнике
И орнаментами задника.

Небо играет белыми рублями,
Небо разбрасывает пуговицы огнистые,
И молнией светят мне в глаза
Твои белые крепкие зубы.

10-сложный стих, рифмы накрест.

ЮНАЯ ХОЗЯЙКА В ГОРАХ

Путник неустанный, скиталец вечный,
Я, в ожидании необычайных явлений,
Когда мне надоедает жизнь на равнине,
Так просто приезжаю в горы.

Быть может рука судьбы
Водит меня из края в край.
Удивительно, что ты не осталась неведомою мне,
Когда мир до такой степени обширен.

Кто представит себе: какая армия -
Сколько лиц, сколько очей /в мире/!
Но случайно к юму только не забредет
Запутанной жизни путь!

Вот дворик, обожженный солнцем,
В оправе цветущих деревьев -
И домик твой, скрытый в них,
Подобно гнездышку зяблика.

Хотя ты и на крыльях мечты носишься,
Хотя твоя жизнь и впереди,
Все же, вместо матери, ухаживаешь за сиротками малыши,
Постоянно работая и улыбаясь.

Сегодня, когда заходило за гору
Солнце, разбрасывая снопы лучей,
Ты повстречалась со мной у калитки огорода,
Нарядная и взволнованная.

На высокие, покатые поля
Взметнулись жирафами вечерние тени,
Чтобы одеть их сперва в сумрак ночи,
А затем вновь отвязаться на утро.

И ты склонилась над большой деревянной миской,
Когда усталый отец вернулся домой/с полевых работ/,
Ручкой играя обсыпала ты
Зеленую фасоль душистыми приправами.

Словно поводья/которыми я себя сдерживал/порвались в моих ру-
ках
И меня, угрюмого, бесшумно одолевает
Твоей жизни эта простота,
Твоя несложная радость!

Вот, загнал месяц в глубокий овраг
Ночную темноту и горечь,
Показавшись на перевале,
Словно Гарданкешан после боя.

Ты сестренку /плачущую/ успокаиваешь, по-детски лепеча,
Я же загораксь знакомым огнем,
Удивляясь солнечной эклиптической
И орнаментами зодиака.

Небо играет белыми рублями,
Небо разбрасывает пуговицы огнистые,
И молнией светят мне в глаза
Твои белые крепкие зубы.

10-словесный слог, ритмика надрез.

Апология Риона

Переведана на український язык Владимиром Свидзинским

Перевод напечатан в 1937 г. в журнале "Литературный
журнал", 6 стр.71.

Константи́н Ци́глин
подстрочник

Орел.

Пролетел над Ухенсцхалом,
над склоном Тарелы,
Молнией мигнул тебе по зеленой ниве.
Изогнув крылья, грубым ударился о
зрелый грив,
И затрепетал нетерпеливый индюк.

Завлакиваются туманами Лабрах
и Сакернц.
Насветившись, на роковые горы смотри
он,
И пламенное, как в красной золе, ра-
зорвавшийся динамит,
затуманенное
Вспыхнувшее за горой солнце к его
кровавому глазу прибито.

Взлетел медленнее. И девятый круг
спиралью
Когда закрутил в последнем усилии.
Он, повернувшись, выпрямился с
распростертыми ^{к рывками} крыльями
И, как битлан, прорезал синие дали.

Ухенсцхал — река
Тарелы, Лабрах, Сакернц — горы.

ШОТА РУСТАВЕЛИ

/Ода/

Нарушили мы твою дремоту:
 Чествовали тебя, как только могли.
 Много прибыло друзей из близких и далеких мест,
 Щедро проявляющих свою любовь и привязанность.
 Ведь ты не смог развернуть свои мысли в тесных границах,
 Теперь арена для них стала громадной.
 Твой оруженосец, преданный тебе служитель,
 Чтобы выполнить перед тобой высокий долг,
 Всюду бываю я в великой, героической стране,
 Где дружба для народов является и дорогой и мостом...
 Где только не появился сверкающий молнией след:
 Куда только ты не пришел и твой портрет где только не висит!
 С дубою на плечах, статный
 Ты устремил вперед ясный и споюйный взор.
 Радуетесь сам, что проявил великую храбрость:
 Что не сократилось, не раздробилось у тебя слово картвельское.
 Слово алмазное, слово твое — стрела быстрая,
 Слово — взнесенный в солнечном свете меч,
 Острое копьё и бальзам для раненого сердца...
 Твои слова — трепетная стая куропаток,
 Цепь неразрывная из жемчуга и бадахшанских рубинов,
 Родник сияющий стократной радости!
 Блестящий, ослепительный гений,
 Исцелитель недугов, утешитель судьбой обездоленных,
 Ты для поэзии, дружбы и любви

Нерушимые законы установил!

Кто может сравниться с тобой, походить на тебя?

Родится ли когда-нибудь стихотворец, равный тебе?

Ты поднял голову и попросил у неба силы,

Великое сердце было даровано тебе и искусство.

В сталь превратившись, запрудил ты в себе море воли,

Выпросил разрешение и после этого

Сел /писать/, Руставели, высокий и высоко взирающий.

Была причина для ~~продивания~~ ^{литы} слезы,

Но перед роком ты все же не склонялся.

Золото мерцало сквозь разорванный покров ночи

И унеслась туда, как символ смелости,

Твоя мечта - лебедь хлопюво-белый.

Путь, в лазурные глубины потонувший,

В зигзагах светящихся и бесконечно длинный...

Подобно ладони, открылся перед тобой широкий мир -

Ковер чудесный - пестрая хатайская ткань.

Очаровывали взор, мелькая внизу,

Высокие горы, реки, стены,

Красивые города, волны морские...

Увлеченный мечтатель и провидец,

Ты побывал везде и отворил все двери.

Прыжком тигра пересек ты мертвую пустыню,

Боролся с землей, несомый на крыльях орла,

Нашел героев, львам подобных,

И дев, звездам уподобившихся.

Слезы лились у тебя, будил, как колокол,

Равнину Мулганзара твой звучный голос.

304136330
3034110133

Со стоном пел и заставил трепетать камни.
Ты, обнажив голову, сообщил небесным светилам
Жалобу и горе обездоленного человека.

Устал ты думать. Слишком долго носился по миру.
Вечно пылая, тяжелую скорбь питал ты в душе.
Сердце свое упорное шипами изранил ты
И в конце концов все же обрел ты чудесную розу.
Розу не вянущую, рдеющую, как утренний рассвет,
Распространяющую неиссякаемый аромат,
Залог твоего величия и бессмертия -
Солнечными листьями сложенную книгу.
Книгу мудрости, высоких мыслей сеть,
Неограниченных желаний пышущее пламя,
Книгу, пронесенную через бури борьбы,
Окропленную слезами многих поколений.
Ее блеска не могли века затуманить,
Сама она догнала великое волнение века,
И на небо Грузии снова мечут молнии
Обнаженные в улыбках зубы ее героев!

Ветрага

Я с любопытным вниманием посмотрела на тебя.
Как будто на кого-то была ты похожа.
Но когда перед витриной ты остановилась —
Я в витрине узнала твое отражение.

Не помню я тебя! Видно, так оно
Вращающееся колесо жизни:
Оно старую мечту в тень отодвинуло
Другими стремлениями и заботами.

Теперь неожиданно, словно Азалия,
Аромат струящий прошлые годы:
Ты же ведь та! — (которую я знала) уличная
В фартуке и с зачесанными волосами.
А венок на голове утренняя,

Я вспомнила далекие утра,
Постоянные ветры с запада,
Уроки (книжки) подмышкой
И по прохождению твоих бодреньких шагов

Сами сверкала твои глаза,
Когда ты электролампам
разрешала пальцем,
Память твоего заветного вершин
гор
И великие воины истории.

Если не знала ты, кто был

Или когда умер царь Калита
Твоя улыбка раскрывалась
сконфуженно, сверчок перлами,

Глухою душой твоего сердца не
решила,
Исцели встретилась ты с подной арчюю.
И пылкой гений любви
Бездумно последовал за тобой

Руки сотворившая крестное знаме-
ние
Тихо задремала под чужими пожелами.
Что потом с тобой стало? Куда ты ушла?
И почему оставил он твою руку?

Ты тогда забвела мои годы.
Вот оно - вращающееся колесо жизни!
Кто увидит теперь, сколько оно
создало тебе забот!

Какое установит, кем ты живешь
В зашуршающем бумажном твоем трухе!
Как ушла твоя улыбка,
Словно мегарора в египетской позе!

(как будто мегарора в египетской позе!)

ბარაკონ.

Опять предомою родные ивещу горько
 И вновь овладевает мной душевное волнение.
 С востока берег с разпростертими кривдами
 К западу стремитесь золотым потоком.

Как будто на борбу встала гора ^{перед} с горой
 В тени внизу ползет Рион, как дракон.
 На скале грожат мчи, — и Баракон
 Блестит белугой, как в злени присевший
 лебедь.

Уже Цутхаро нахмуренный повзвывает
 Бессильно башлыком,
 Бессильно поблескивают далекие зигзаги
 молний.

Взлетела стая голубей. Стрижи
 Тиретучио кружатся вокруг сарой крепости

Вещь каменная

Когда он скажет слово обугла
Держак сам разучит,
Его откровенно и прерываю неосторожно
Дел отыска в дороге Криво

И вот на руде медь медальюм тученный
Вспомогательный материал (древко медь)
Продвижение сабры бурно движет
Предостерегаю дух уединенности, его духа

След у озера - с сурьмой (с железом)
Формируется се соединяющиеся
Мне прерыва (разбегу) урбана сама
Кефирной водой кончик динкам (Финляндия)

Культурность, суверенитет несут на
Из народных сердец, сияющих народом
За доброту свою древней
Следит весь мир.

На востоке подвигаются свет,
Словно расширяющийся ^{чужие} зорьки светимости
Его великий миссия ~~идеология~~
Дать увидеть великий духа.

Врдашея отица и радужна отица
Мо, со масенкава радужна светлост.
Печалба ^{и греша} (греша) сладка
Неодреданно греша отица и радужна

Много нападана на нас виждете и отица
Радни отица мамна, чини се охораша на
Но тврди и праша
Разсечена на две страници.

Купи мир ситане и чини,
И ситане это даме чини
~~И~~ Мага наредно кровна и на
Покрети тебе осветена

ВМ

84

გურჯაანის

"Семь братьев гурджаанцев пошли на охоту и убили белого кабана. Первым выстрелил дед"....

Грузинская народная песня.

Здесь сердце спокойно
И здесь же хочу закончить день.
Песнями и вином славившийся
Притих теперь этот дом.

На стенах красуются гирлянды
Черного и желтого винограда.
Перед домом на яблоне
Рдеют розовые яблоки.

Может быть другие фрукты? Ухватит всем
Персиков, инжира и гранатов.
Айва /стягнутая плодами/, до земли сгибаясь,
Просит помощи /подпорки/ у детей.

Взрослых не видать. Ушли на войну
Все семь братьев гурджаанцев,
А старый дед в саду собирает виноград
Сдрыхлявшими руками.

Дед обрадован письмом внуков,
Пишут: "Истребили мы кабанов,
Которые в прошлом году хотели
Опустошить наш родной край".

Десятисложные стихи с рифмами накрест. Эпиграф оставить в прозе.

/Из цикла "Сбор винограда в Нахети"/.

არ ვიცი უკან დამი
და გეუ არ მივცა, ა ნათაროდავიანი
სიმერცა და უკინუ რეფუნი
მუხარებუა აე სარეზიდასო.

შენაკ.

СБОР ВИНОГРАДА В МУКУЗАНИ

90

Снялся туман с Алазани
 Показалась горная цепь,
 Местами, как зуб, возвышаясь,
 Местами переломанная.

Прояснилось. Утомили
 Землю долгие дожди.
 Утром лозы украсило
 Мерцание лучей.

Пришла пора, хватит
 Винограду зреть.
 К сбору /винограда/ приступил

Красивый севхоз Мукузани.
 Соседние села истремили:
 "Ваша помощь нам нужна,
 Кто в силах собирать /виноград/,
 В виноградники пусть придет".

Двинулись стар и млад,
 Арба идет за арбой.
 В сторону кладут ружья
 Сторожа виноградников.

Разбрелись среди лоз
 Толпы женщин и детей -
 Более двухсот сборщиков,
 Состязавшихся друг с другом.

92
021030300
021030300

Полна спокойствия, радости
В янтарь превращенная природа.
Уход полудня объявили
Повернувшиеся тени.

Под дубом разведен костер,
Трех баранов зарезали.
Такой величины медный котел
Где выкопали?

"Перерыв", - крикнули,
"Готов уже обед!"

У многих подростков отнял
Аппетит виноград.

Старики садятся
Там обособившись;
Винные бокалы имеют,
Привывшие пить всегда вино.

Сперва выпили за сыновей,
Ушедших на войну,
Затем группами, благославили
Оставшихся дома.

Скоро вновь поднялись,
Хоть и хотелось им пить еще.
И народ вернулся в виноградники
Шумливую толпой.

93

Когда солнце спустилось, померкла
 Ширь Алазанской долины.
 Тогда и в севхэзе закончился
 Этот первый день сбора /винограда/.
 Каждый сборщик /винограда/
 Уставший, возвращается к себе домой.
 Трепещет в прозрачном воздухе
 Нежность вечерних красок.
 Далеко самолет парит,
 Похожий на маленький ястреб.
 По ту сторону /Алазани/ как спина дракона,
 Спускается отрог хребта.
 И, врагам Грузии
 Пресекающая тропы,
 Фиолетовым туманом закрывается
 Стена Кавкаских гор.

В оригинале "Куди-Гора" - отрог Кавказа, упоминаемый
 в поэме И. Чавчавадзе "Какъ Качаги".

Восемь словен. Гуск
 Ририни - второй с четверти.

Книги поэма Алазанс,
 Гамогна Мфага грехими,
 Зоган Кобитви аубдиш,
 Зоган...

ГРАД В ЧУМЛАКИ

Двинулось черное облако,
 Остави в убежище горные;
 Мечами из молнии размахивает
 Крылатый ветер вперед пустив.
 На Ахалцехи и Чумлаки
 Свирепо надвинулась (облако)
 Готовившиеся к сбору / винограда/
 Села от страха обмерли.

В воздухе вместе полетели
 Листья деревьев и птички,
 Потом по зеленой земле покатались
 Крупные жемчуга.

В пять минут земля побелела,
 Небом разгневанна избитая.
 Прислонили обнаженные головы
 К балконным столбам колхозники.

Увы, для виноградного сада
 Не нужны в этом году желоба:
 От ркацители^х янтарь хлынул,
 От саперави^х кровавые ручьи /потекли/.

Весть дойдет до Тбилиси,-
 Дети скажут отцу:

*) сбора винограда.

В м
преподнес

В О Ж Д Ю

86

Сверкает твое имя, дождь,
Как поднятый наверх красный стяг.
Ты олицетворяешь нашу мечту
И наши взоры сопутствуют тебе.

Окрепло твое великое сердце,
И ^{тв}накапляешь силы в жилах,
Чтобы завтра показать зарю
Истрадавшим рабам всего мира.

Разрушили мы все, что следовало разрушить,
И вновь строится обширная страна.
Растяну^{лишь} в цепь, как саперы,
~~Шестидесят~~ ^{долгие годы} лет великой жизни.

Пусть славным останется навек
И не сотре тебя никогда
Путь, молнией сверкающий,
От горькой крепости до Кремлевских ворот!

1969 г.

Розинг — 10-словес. стих.
В. Ридина покрест.

Курс Трансформации

Благов, Белаго, шени сахем,
Вити заавидни цитем ставра.
Хар квени натврис гашомсахвем
Да гвени шера моткелл на

В ГРУЗИИ ДВЕ КРЕПОСТИ

В Грузии две крепости:

Одна из них - Тmogви древняя,

А другая - несравненная Гори,

Непреклонная, широкогрудая.

Гори-поставленный удивительно холм,

Грудь млечная матери - Картли,

Наша мечта, кровь и плоть,

Основа твердости и правоты.

Считает бессчетные бурные дни

Ее главы воевавшая ограда

И смотрит на небо сверкающее

Как опустевшее орлиное гнездо.

1938 г.

91

Сколько ножей сверкает
 И режет кисти спелые!
 Корзина идет за корзиной,
 Короб проносится за коробом.

Спустятся быстро
 Ряды с раскинутыми ветками.
 Усталости не знают руки,
 Эластичные и сильные.

Парни-носильщики бегают,
 Обливаясь потом.
 По под'ему идут к марани
 Арбы перегруженные.

В марани ~~уже~~ женщины работают
 И седые колхозники:
 Слышен гул мотора
 Тяжело опускаются прессы.

Машина-давилля,
 словно крылья у ветра;
 Опечаленные гроздья
 Покорно в нее ложатся.

Выжатый нектар
 Неумной струей
 В огромные чаны
 Вливается, пенясь.

По спуску идущие /обратно/ буйволы
 Чувствуют легкость в коленях,
 Высоко держат выи,
 Под облегченным ярмом!

Տ Ե Ր Ա Փ Ի Դ Ա

Твои прекрасные глаза тихо закрылись
Как гибель мира было принято твое усение
Плач народа, рыдания Пятиахна
В долине Нуры превзвучали убийственной скорбью.

Драгоценные украшения, светящиеся подобно звездам
Полжили с тобой - властитель так желал
Безмерно было старанье погребальщиков,
Чтобы ты нетленно лежала в гробу вечно.

И вот открыли дверь саркофага!
Увы! И туда накрался ветер времени
Ничего не осталось от твоего облика.

Только холодный металл твоего драгоценного украшения
Тысячелетиями окривевшийся в темноте
Визь приветствовал неизменившимся лучом вершины ок
ных гор. - Задзени и

СРЕДНЯЯ АЗИЯ

/Подотрочник/

Г. К а с п и й

Мрачно, угрюмо встретило
Ты нас вчера,
Но, раз подошли,
То уж не отступили назад.
От участвовавших штормов
Полученный насморк
Постепенно оставлял тебя
И ты метался и охал.
Средина твоя пугала нас,
Средина твоя --
Ужасных зверей
Ревущая берлога!
Отшатывалась, вновь напирала,
Качаясь и ссыпая,
Хлещущей бури
Пенистая грива.
Стемнело. Закрилась
Издранной ночью
Одинаково раскинутая
Окрестность.
Хребты волн серебрила
Иногда мгновенно,
Шатаясь в черных тучах,
Согбенная луна /лунный лук/.

Словно рука невидимая,

Гигантская рука,

Адские яды, шумя,

Замешивала.

Иногда мозг брызгидил,

Как раскаленная проволока,

Притагивающего прыжка

Леденящий зов.

Победили, победили!

И прямым рейсом

Подвигается вперед наш пароход -

Обрызганная мошка.

Вот уже Туркмения

Показывает издали нам

Острую вершину горы,

Как поднятый большой серый палец.

Сегодня поздняя осень

Нежится в золотом сиянии;

Теперь от твоего бушевания

И следа не осталось.

Пересели, понеслись мы

Прездом быстрым,

Взглядываясь в безмерность

Твоей бирюзы и парчи.

Вот как успокоил тебя,

Лежашую с взгнутой талией,

Обветренного континента

Пустынный рот!

В его лапы ввергнуто ты,

Как его жена,

И блещет на лучах солнца

Серебряная кайма твоей юбки.

П. Каракум и Неса

Отродье морских волн

И антипод моря,

Каракум, трудно воспеть

Тебя в стихах!

Противен тебе наряд

Травяной, или же лесной,

И трепещет от страха

Твой хлопковый ободок.

Спорит вечно человек с тобой,

Угрюмым и бесплодным.

Кто не испытал

На тебе своих сил:

Бактрийцы, согдийцы,

Монголы, турки.

Каракум, и ты не малое

Количество крошил черепов!

Вот на твоей окраине

Похорошенная Неса,-

Столичный древний град

И царские палаты.

Окаменелый нульс,

Слезы и стоны

Заступом и киркой выбивает

Из недр земли археолог.

По раскопкам продвигаемся

Мы осторожно,

Колонны и ступени

Лестниц считаем.

Даже выкраден был

Оказывается этот дворец -

Коридоры в белый,

Залы в красный цвет.

Пиши и чаны,

Водозместилница, широкие...

Вода под крепостной стеной,

Протекала вот по этой трубе.

Выслушали мы пространные

Разъяснения ученого.

Солнце зашло и вечерний сумрак

Надвинулся на раскопки.

Хватит этого на одну

Страницу истории:

Сколько времени нет уже здесь

Бактрийского царя.

Пасется теперь тут черными лохмотьями

Раскинутое стадо овец

И бегающие собаки лают,

Подняв морды ввѣрх.

III. Султан-Санджар

Здравствуй, Султан-Санджар,

Здравствуй, Санджар!

Перебив свой путь, я заехал к тебе в гости.

x/ Султан-Санджар - большая мечеть XII в., около которой долгое время проживал Амар Хайам.

Стоишь ты тоже с трепетом у

У окна у спальни

И смотришь молча

На немую окрестность свою.

Стоит еще, дырявая

И полуразвалившаяся,

По далеко выдвинутым

Холмикам обходящая стена.

Растрескались твоя известь

И облицовка, -

Затянутая нитками пауков,

Гнезда голубей.

За веком век

Свирепо гнался тут.

Насулившись, медленно

Разгуливал Хайям.

Земная пыль ему казалась

Прахом своих предков,

И горшечник /его друг/ с трудом

Разбирался в его стихах.

Куда девался Хайяма

Мягущийся ум?

Куда ушел горшечник -

Трудолюбивый и тихий?

Между самым великим человеком

И самым маленьким

Очень много общего

И совсем мало разницы.

Мерещится тебе,
Угнетанной полумесяцем,
Крестообразный силуэт,
Твой старый враг.

Похаживаешь на чучела
Мертвой веры -
Ты, огромная мечеть,
И Крестовый Монастырь.

Смотрел я на тебя и представлялось

Мне мрачное прошлое -
Кровавый путь,
Вытянувшийся за тобой.

Стемнело; полный месяц,

Поднимаясь, всмотрелся в меня,
Как гневом запылавшийся
Глаз Тохтамыша.

IV. Базар в Мерве

Сегодня на родине Рамина

Большой базар;

Старый Мерв бережет
Эту традицию.

Стремятся Дехканы

К нему со всех сторон;

Они сидят на ослух, ярмии которых
Покрывают широкие дороги.

Семена ногами

И болтая длинными ушами,

x/ Крестовый Монастырь находится около Мцхет /с ним
связана поэма Лермонтова "Мцыри"/.

Быстро идут ослы,
Чтобы подоспеть к базару.

Там и сям среди них
Вадьмаются горбатые верблюды,
И мерно стекают с их загнутой шей
Звуки колокольчиков.

Вот таким образом шли
В глубокой древности
Неизвестные, забытые,
Бесчисленные племена.

Оставили они курганы,
Как знаки своих могил;
Видно, и они тоже
Не хотели быть забытыми!

Убегали они от бедствий,
Готовые снова их перенести,
От гнева своих алых идолов,
Или от истощенных земель.

Перед пустыней и морем
Разбивались пути -
Часть их не слась на Урал,
Другие врывались в открытые двери Ирана.

Неслись они всеми
Путиами и тропинками,
На верблюдах, ослеах,
Лошадах и иешком,-
С гере коленными лицами,
Мутными взорами,

Вытянув сабли вперед,

Крича, хохоча и рубя.

Протаптывали поля и дуга,

Оголяли леса,

Переходя за все рубежи

И разрушая все знаки границ.

В битвах и гоготании

Проводили они дни,

А ночи - в облизывании

Грязных грудей /своих жен/.

Удалялись от каждого становища

И оставляли быстро

Зловонные лужи

Мочи и черной крови.

В закатное небо

Блеяли стада овец

И коровы мычали,

Призывая отставших телят.

Как стаи галок, шумя,

Путались между собой миллионы фамилий /род/.

Количество мертвых

Равнялось листьям осени;

Нетерпеливо напирали

Хляби будущих эрд

На выпяченные вперед

Чрева женщин.

Разместились. Море запасов

Иссякло у неиссякаемого;

Умиротворилась семя
Старого уртинента;

Из сердец, истерзанных
Страданием и эстервенелых,
Выпарился тысячелетиями
Кипевший яд.

Вот лица теперь
Спокойные и добрые.
В лучах солнца растворилась
Мгла непроглядных ночей.

Устроил старый Мерв
Сегодня большой базар -
Торжище, обмен товарами
И братскую встречу.

У. Один из множества

Люблю провожать взором
Дорогу из окна.
Вот один из них /дехман/
Возвращается с покупкой.

Пиетется на осле,
Видно, что для него
Ничего из себя не представляет
Наш поезд.

Но ведь это целый мир,
Наполненный весь
Радостью, любовью,
Горем, желаньями,

С эстервененьем прорвавшийся
В широкие пространства,

Рассекая встающие
На пути дни и ночи.

Для него же ничего,
Прине сениая ветром
Какая-то вытянутая
Грохочущая лента.

Он стремится своей дорогой,

Сидя на осле,-

С нетерпением ждут его

Жена и дети.

Вот приедет, встретит его

Невзрачная жена.

Зайдет он и передаст

Ей цветную ткань.

Женщина ощупывает /ткань/

И спрашивает стоимость.

Он шутя раздувает цену,

Потом говорит правду.

Обрадуют его вытянутые

Рученки двух ребят;

Наверное он им привез

В подарок сласти.

Вот развязывает он узелок

Тонкого платка

И осторожно берет леденцы

Красные, как лалл.

Один моментально кладет

Себе в рот свою долю,

Другой же, плача, отстраняет
Неудовлетворяющий его кусочек.

Отец желает вселить
Радость во все сердца
И успокаивает ребенка,
Прибавив немножко.

Зайдут к нему соседи
Со сладкой улыбкой
Он расскажет им о базаре,
Будет болтать долго.

Потом, облокотившемуся
На мягкой мутане,
Поднесут ему, как хану,
Зеленый чай в белой пиале.
Никогда более моя жизнь
Не столкнется с его жизнью.
Будет себе ходить он
В пестром халате.

Несется наша земля -
Космический корабль -
С миллиардами дверей,
С миллиардами нор.

VI. Собачка

На нее, лежащую в сухой соломе
И спящую сладко,
Стрелю надежд пронзительный
Свист джамбула.

Встреленулась, мимолетно
Вскочила на ноги,

Погналась за нами
И начала сердито лаять.

О, собаченка, прости,
Что потревожили мы твой сон!
Куда ты бежишь, глупенькая,
"Почему ты так сердита?"

Какие надежды раздули
Твое крохотное сердце,
Какими ми ражами просветлен
Твой беспощадный мозг?

Улетала в беге

И ее гнев смягчился,
Отвязалась и начала крутиться
Вокруг сухого колючника.

Вертит хвостом и смотрит;

Есть, должно быть, и у нее

Свои собственные

Мысли и свои заботы.

Никогда второй раз

Я тебя не увижу,

А ты, бедная, все время

Так должна лаять,

Удивительным способом,

Правительской силой

Одухотворенная для тявканья,

Микрой земли комочек!

Будешь бегать и тявкать

Днем и ночью ты;

Крохи хлеба и множество
Обглоданных косточек достанутся тебе;

Подконец издохнешь ты
Где-нибудь за огородом, и этим
Кончится твоя странная
Обязанность перед миром.

Некоторое время ты еще будешь
Походить на маленькое существо
И приподнятой кверху лапкой
И оскаленными зубами,

Пока земля
Твои все элементы
Не вернет себе,
Ломая и разрушая.
У П. Д ж е н

Отойди, отойди
Смуглая тень!
Ототрани от меня надоедливую,
Высушающую душу мысль.

Для дружбы и братства
Не пригодна ты, -
Я жажду покоя
И светлой радости.

Раскинь хлопьями
Направо и налево
Дым свой, паровоз,
Мощно шествующий по начертанному пути.

К закату приближается
Солнце, расчесывая лучи

И мир закутался
В пламя его блеска.

Вот загудел мост,
Закованный в железо,
Привет тебе,
Великий Джеон!^{х/}

Целиком охваченную
Удивленным взором,
Я хочу твою ширину
Навеки носить.

Лижет Каракум
Жадно твои соки,
Но смертельного урона,
Не может причинить тебе.
На солнечной ткани
Лениво раскинувшись уж,
Ты плавно стремишься
К соленому Аралу.

Горделиво извиваешься
Туда и сюда,
В сухих песках теряешь
Многие ответвления
Выводят узоры бесчисленными копытами
На влажных твоих берегах
Антилоп и ланей
Скачущие стада.

х/ Джеон или Джейхун, - арабское название Аму-Дарьи, одной из четырех рек, вытекающих, якобы, из рая; упоминается в поэме Руставели.

Переполненная и насыщенная

Авганскими дождями,

Авганских потоков

Собранье и сумма,

Райской рекою, что слывешь,

Не гордишься этим

И кормишь Хорезм^{х/}

Своим тучным илом.

Можешь ли вспомнить

Еще Хорезмийского жениха?^{xx/}

На верблюдах и мулах отправил /в Индию/

Ты его или на лодках?

Как раздрали полотноще его палатки!

Вернулся он к тебе

С треснутым черепом.

Примчавшийся из Магриба^{xxx/}

Конь Автандила

Показывал тебе

Пенистый рож и взлеты ног.

Статные витязи,^{xxxx/}

Как пальмы Эдема,

С тобой, великим джеоном,

Сравнивали дивни своих слез.

х/ Хорезм - Хива, упоминается у Руставели.

xx/ Жених главной героини "Тигровой шкуры" /выдавали насильно/; был убит Тариэлом /он хватил его спящего в своей палатке, об столб головой/.

Магриб - Северная Африка /Марокко/; Автандил - герой "Тигровой шкуры".

Тариэл и Автандил.

Пламенеет на куполе неба

Строй светил;

Мчится звездами

Испещренная ночь.

Прозрачные пространства,

Как необъятная чаша,

Пьянящий свет луны,

Бледная, цыют.

Черное пятно тени,

Падающей от дыма,

Ползет рядом с поездом,

Как гигантский эж.

Вот уже виднеется знак

Приближающегося утра.

Рассвет приподнимает вверх

Красноватую бровь.

Далеко края загнули

Ровные степи,

Словно мир сам

Старается принять свет.

Здесь я повернул

В сферическую форму земли,

Здесь убедился я в том,

Что она действительно вращается.

Не видно предела

Этого потока света,

В золотую ость закуталась

Необозримая равнина.

Пасущиеся верблюды
К солнцу обращают загнутое шею,
И сухими головами машут
Беременные кобылицы.

Растянулось хлопковое поле /убранное/
Красноватое и влажное.

Скоро мы будем

В старой Бухаре.

Здесь фазаны затмили

Алазанскую долину:

Вале тают и показывают нам

Свои огнистые хвосты.

С каким шумом и торжеством

Вылетают они!

Словно наши вагоны

В ракеты попали.

Вот и охотник

С ружьем на изгостыку:

Ружье замечнулось к солнцу,

Блестя, грянуло и -- попало.

Померкла светлая линия /полета/,

Как переломленная хвостинка /пробег/

Наверху виднеется

Лишь редеющий дым.

Знаю, уже закрылись

Медленно реки,

Знаю, красная кайма

Окружила клюв...

IX. Бухара

Ты красиво расцвечена,
Бухара, и гордишься очень
Своими высокими колоннами
И закругленными куполами.

Сколько схваток

И побойщ имело место
Вокруг тебя в сверкании сабель
И скрежете зубовном!

Приобретала и обогащалась,
Ненасытным амбаром

Стоящая в сердце
Огромных караванных путей.

Какую бесцельную постройку
Представляют из себя теперь

Окружающая тебя стена
И двенадцать ворот!

У тебя тоже в большом
Почете были мечети.
Впитали их фасады солнечный свет

В бирюзовую окраску.
Твои арабские фойянты
Спят в медресе
В тысячелетнем аромате
И тысячелетней пыли.

Взоры сколько богословов
Угасили они!

Какие блаженства сулили
Они погибшим в боях!

Заблуждения, заблуждения,

Везде следы заблуждений -

В Мекке, Бухаре,

Во Мцхете, Риме...

Что было у человека?

Бедствия одни.

Шел он

Из тьмы веков и не с

Измученное, исколеченное,

И раненное сердце свое

И глаза затуманенные

Мраком печали.

Запад и восток,

Север и юг

Вздыхали молитвенно вверх,

Бесчисленные руки.

Обломки надежд видели они пере

Перед собой, как ответ неба,

И ливни горячих слез

Текли, текли...

Завешивая, впечатлелся

Великий цикл

И опустился в бескрайний

Склад времени.

Обнажившаяся история,

Как юкелливая женщина,

Ослепительные наряды

Друг на друга кладет.

Х. Эмир

Я дворец осмотрел
Здесь, Эмир, твой.
Пригодятся для музея
Залы просторные.

Нежился ты в этом просторе,
Просторно зевая,
И свои номинальные права властелина
Ты проявлял только здесь.

Ты кресты и медали
Царской России носил на груди,
Курбан Курбашей.
И раб Николая.

Сидящий правдою рядом

Со своими толстыми женами,

Ты уронил все

И значение сана эмирашиде

Для дехканов ты был

Злейшим из злых;

Пере стали, наконец, они

Прощать тебе свою кровь,

И закутали они, закутали

Твою чернобородую голову

Не в белую чадру,

А в туман забвенья.

Нашли они, что хватит

Продать тебе чужой пот,

Хватит тебе грабить

Города и деревни

Теперь сама наряжается
Страна дехканов
В пестрые халаты
И вышитые платья.

XI. Самарканд

Самарканд! Это имя не слось,
Толча много веков.
В незапамятные времена
Заложена его основа.

Этот город полностью
Принадлежит тебе, Завоеватель,
Здесь царит твоя тень
Сумрачная и гневная.

Камень, положенный на твою грудь,-
Черный нефрит -
Я нашел в молчаливой
Мечети Гур-Эмира.

Твои старые знамена,
Непобедимые, стоящие у изголовья,
Нетленно сохранили
Шелка и древки.

Вот, оказывается, где отдыхаешь ты,
Утомленный битвами!
Тамерлан, быть может,
Святым считает тебя!

Твой великий Улуг-бек^{x/},

Спящий у твоих ног,

x/ Великий астроном, внук Тамерлана.

Быть может и под землей пытается
Разгадать начертания судьбы?

Кровавые жертвы щедро приносил
Ты счастливой судьбе,
Ты миру причинил
Ужасающие раны.

Промчался ты по царствам
Великим и малым, топча их,
И зубами выгрыз
У Кавказа сердце.

Ты свет распространял
Зажженной лучиной
От одного пожара
До другого трепетало сияние.

С Аракса и Алагани,
С Диахвы и Курн
Гнал ты сумрачный
Цвет ночи.

А теперь с запоздалым упреком
Как обратиться к тебе?
Твои дела и так
Оказались кратковременными.

Идей не хватало тебе,
Хромой герой,
Хоть и остер был
Твой молниеносный меч.

Идей не хватало,
Герой, идей!

Мало было закалывать

Ножом людей.

Погибла твоя слепая

И свирепая династия

Твои земли растаяли

В руках твоих же сынов.

О, если бы, Тимур,

Мог бы ты восстать,

Чтобы опять посмотреть

На любимый Самарканд!

Не узнаешь его

Ни ночью, ни в полдень.

Посмотришь туда и сюда

Гневаю, сердито.

На площади удивит тебя

Стоящий портрет:

Кто пришел? Откуда?

Что за лицо? Чье оно?

Сколько бы не поднимал

Плеч вверх,

Хромой великая,

Не поровняешься ты с ним.

И тут ему главенство

И первое место,

Стит на полотне,

Закутанный в северную метель.

Смелый, с ясным взором

Стит он

Лицом к Сталинабаду,
Спиной к Сталинграду.

Выдвинул Кавказ
Вперед свою высоту,
Как мировой Аэнтин
И стальное могущество.

Поражительное восхождение
И удивительная судьба!
Сматривает герольд
Всех угнетенных земли.

Сматривает, словно рулевой
На огромном корабле,
Чтобы перебороть волны,
Ревущие и мятущиеся.

С Платспалмиром рожняются
И перетекают через него
Облака /пар/ идей
И дым трубки!

Не в силах больше вынести, ты прокляла зекские страдания
И стала на путь с огромными изломами.

Послышался издали вспененной Куре и Базису
Глухой рев твоих многочисленных стад.

Вспоминаю быль, ушедшую за грань памяти:

Я тоже там был с ураганым песком в волосах!

Я как сны вспоминаю жестокую пустыню,

Своего верблюда, своих овец и глубокую землянку свою.

У меня был пес, - во мгле беспробудной ночи

Он лаял на взорв четыре тысячи лет тому назад

И в обезумевшей храбрости мускулистого тела

Бросался на каменный забор и колючие кусты.

Он издох под-конец. Разлазил на гнилые ткани.

И детишки разломали его крепкий череп.

Но знаю я, что и теперь его протяжный лай

Несется в пространства бесконечности.

КОНСТАНТИН ЧИЧИНАДЗЕ

КОРИННА

Сажу на зелени двора и читаю Овидия.

Снимается саван с глубоких веков.

Сегодня к Назону должна притти Коринна,

Он с волнением встретит свою любовь.

Коринна - высокая, с красиво-изогнутыми бровями

Смягчилась, наконец, слезами и мольбой:

Ее, как прекрасную Лесбию Катулл,

Назон вохваляет в гекзаметрах.

Неожиданно скончался поэт Тибулл,

Музы оплакивают горестную утрату,

И, как оскорбленный в саду цветок,

Улыбка увяла на устах Коринны.

Коринна, Коринна... Я закрыл книгу,

Голова полна туманными мыслями.

Сорван близ себя листочек клевера

И молча смотрю на желтые цыплят...

Тибулли умер... Медленно поднимаю голову.

Донесся запах майской ночи.

Коринна, где ты находишься теперь?

Коринна, ушедших, делвких времен!